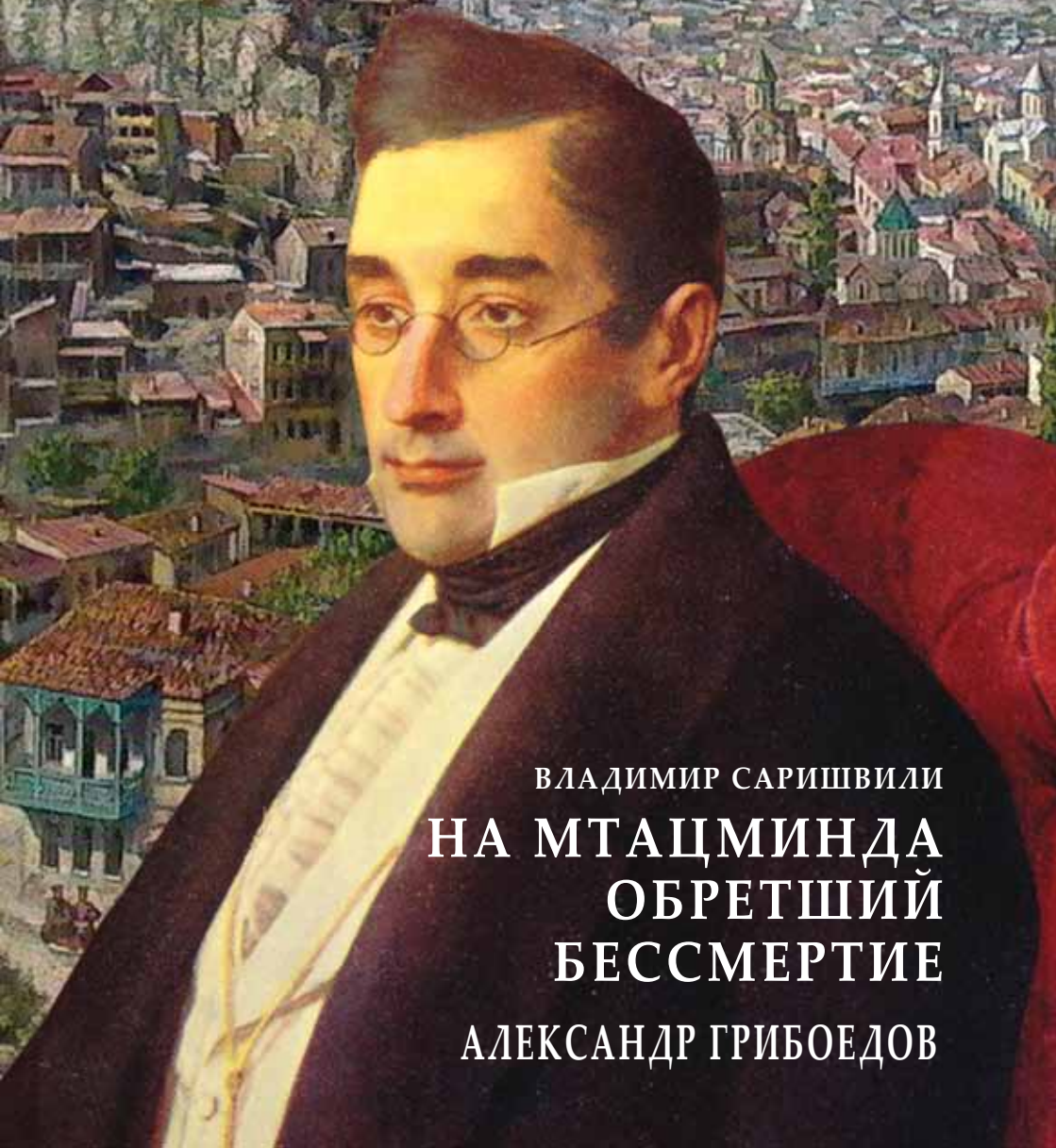

Р

РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
НА МТАЦМИНДА
ОБРЕТШИЙ
БЕССМЕРТИЕ
АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
НА МТАЦМИНДА
ОБРЕТШИЙ
БЕССМЕРТИЕ
АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

К 170-ЛЕТИЮ РУССКОГО ТЕАТРА В ГРУЗИИ

Тбилиси
2015

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку - в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье - «Грузины», ныне - Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой - в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские - опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» - первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

© **Русский клуб. 2015**
ISBN 978-9941-0-8306-8

Литература о пребывании Грибоедова в Грузии необозрима. И не только потому, что, как писал поэт и драматург Давид Эристави (Эристов), «ни один русский писатель не был связан своей личной жизнью, общественной, литературной и государственной деятельностью с Грузией так, как автор «Горя от ума». Масштаб личности создателя неувядаемого произведения – вот что вызывает восхищение, а деятельность его по сей день во многом загадочна и становится предметом подчас острых и длительных дискуссий. В

особенности это касается его проекта «Российская Закавказская компания». Тем не менее выдающийся грузинский поэт Гогла Леонидзе справедливо писал: «Смело можно сказать, что Грибоедов раньше и глубже Пушкина и Лермонтова изучил жизнь Грузии, ее прошлое, биение ее сердца...».

Но наш рассказ начинается с попытки прояснить первопричины возникновения интереса главного его героя к сцене, к театру. Интерес, воплотившегося в создание произведения неопределенного жанра,

▲ **Дом, где родился А.Грибоедов**

но определенно бессмертного, что уже доказано веками. А первопричина эта, как предполагает князь Д.Г. Эристов (Эристави), кроется в детских годах. И вот почему:

«Александр Сергеевич Грибоедов родился 4 января 1795 г. Род Грибоедовых – ныне совсем пресекавшийся, принадлежал к числу древнейших дворянских родов России. Отец поэта, Сергей Иванович, был женат также на Грибоедовой, Настасии Феодоровне, женщине весьма умной, энергичной, державшей дом под своею деспотическою властью, причем муж совсем стушевывался перед нею. Дом, в котором жило семейство Грибоедовых в Москве, в предместьи Под-Новинском, сохранился и поныне в том же самом виде, в каком находился в конце прошлого столетия (цитируемый очерк был написан в 1879 г. – В.С.). Грибоедовы жили на широкую ногу. У них собиралась почти вся знать Москвы: князья Одоевские, Нарышкины, Римские-Корсаковы. Разумовские были с ними в более менее близком родстве. То

был особый барский мир, описание которого вложено в уста Фамусова; то были баре, которые «едали на серебре и золоте»; «езжали вечно цугом», служили когда-то при дворе Екатерины Великой; у них были свои традиции, свои особые нравы и обычаи. Вот в кругу этого барства и прошло детство Александра Сергеевича. Несмотря на такую светскую жизнь, мать Грибоедова позаботилась дать сыну блестящее, можно сказать, чисто научное образование. Его наставниками были известный энциклопедист Петрозилиус и доктор прав Ион. Пятнадцати лет Грибоедов поступил вольнослушателем в университет, причем заботливая мать, боясь, чтобы сын не увлекся «завиральными идеями», посылала его в университет в сопровождении гувернера, и сама выбрала ему «этико-политический» факультет, как наиболее соответствующий будущей карьере сына (по другим сведениям Грибоедов стал студентом в одиннадцать (!) лет, а в пятнадцать уже закончил университетский курс

▲ Московский университет

▲ Профессор Гейм

▲ Александр Алябьев

– В.С.). В те времена в Московском университете царили другие нравы. Дома профессоров были открыты студентам, было полное общение между учащими и учащимися. Между профессорами находились лица, составившие себе громкое имя на западе, как, например, Буле, Гейм, Рейнгардт, Шлецер (сын)...

Александр Алябьев давал юному Грибоедову уроки музыки.

Буле давал даже частные уроки Грибоедову, занимаясь с ним «разными отраслями наук умозрительных». Профессор Страхов, во время зимних вакансий, режиссировал спектаклями студентов... *Вот тут-то, вероятно, и зародилась в Грибоедове любовь к сцене.* (Курсив мой, стиль и орфография по возможности сохранены – В.С.).

Какими же судьбами Грибоедов оказался в Грузии, не будучи ни ссыльным, ни больным, нуждающимся в курортном лечении? После того, как в 1812 году он сдал экзамен на степень кандидата прав (в 17 лет!), началась Отечественная война. Грибоедов, конечно, не мог остаться равнодушным в обстановке всеобщего патриотическо-

▲ А.Грибоедов в гусарском мундире

го подъема и рвался на военную службу. По мнению моего учителя, профессора Тбилисского государственного университета (ТГУ) имени И.Джавахишвили Ваню Шадури, энтузиазм Грибоедова подогревался высоким престижем военной карьеры для отпрысков дворянских родов. К «штатским» молодые дворяне в царской России относились слегка пренебрежительно.

Но желанию Александра Сергеевича препятствовало одно неприятное обстоятельство, а именно: его близорукость, равнозначная печати непригодности к военной службе. Но, как утверждает профессор Шадури, мать и влиятельная родня приложили все усилия для того, чтобы армейские чины «позабыли» об этом досадном препятствии, и Грибоедов поступает в московский гусарский полк, который, по-видимому, из-за кончины формировавшего его графа Петра Салтыкова, участия в боевых действиях не принял.

Смена обстановки (академически-домашней на военно-полевую) пришлась Грибоедову по душе. В иркутском гусарском полку в захолустном Брест-Литовске военная жизнь Грибоедова состоит из кутежей, картежной игры, но главное –

▲ Наталия Грибоедова

буйства-буянства, что называется, «выпуска пара» неизрасходованной энергии молодости. Весьма, весьма напоминает поведение Грибоедова в ту пору бесшабашные выходки одного из главных персонажей эпопеи Льва Толстого «Война и мир» Пьера Безухова. Да и комплекция Грибоедова, его слегка полноватая фигура наводит на мысли о возможном прототипе или элементе прототипа «Александр Грибоедов – Пьер Безухов».

Несколько «шалостей» Грибоедова в Брест-Литовске стали достоянием истории литературы. Две из

них показались нам наиболее своеобразными и кинематографичными. Однажды он шокировал поместное дворянство, «вломившись» на лошади на богатый бал в самый что ни на есть разгар танцевального азарта. А в другой раз «отмочил» номер похлеще. Томимый жаждой помузицировать и, очевидно, утолив жажду иного рода, Грибоедов явился на мессу в костел, стащил со стула, невзирая на его протесты, тщедушного органиста, уселся за инструмент, и костел наполнился звуками блестящей импровизации. Когда же прихожане затаили дыхание в полнейшем восторге, Грибоедов, как писал Михаил Булгаков, «урезал» «камаринскую» («Ах ты, сукин сын, камаринский мужик, ты видать-видать к веселию привык!»). О дальнейшем история умалчивает.

В те самые дни происходит судьбоносная встреча Грибоедова со

▼ **Сергей Грибоедов**

▲ **Александр Шаховской**

старым другом Степаном Бегичевым, и завязывается драматическая интрига, приведшая Александра Сергеевича под грузинские небеса. Начинается эта фабула с того, что Бегичев убеждает Грибоедова в бессмысленности его разгульной жизни; тут подоспевает знакомство с драматургом и театральным деятелем князем Александром Шаховским, который вернул молодому человеку интерес к творчеству и любовь к сцене. Грибоедов уезжает в Петербург, где развивает бурную драматургическую деятельность. На сцене с успехом поставлена его пьеса «Молодые супруги», затем еще несколько пьес, написанных в сотрудничестве с Шаховским и другими драматургами. Вирус театромании прочно овладевает Грибоедовым; он полностью погружается

▲ Авдотья Истомина

в мир Мельпомены, где царят сложные профессиональные и еще более запутанные личные взаимоотношения. И все кончается весьма печально: против воли своей Грибоедов оказывается в эпицентре ссоры с дуэлью, завершающейся трагедией.

Евдокия Истомина! Это ее увечечил Пушкин в «Евгении Онегине»: «Блистательна, полувоздушна,/ Смычку волшебному послушна,/ Толпою нимф окружена,/ Стоит Истомина; она,/ Одной ногой касаясь пола,/ Другою медленно кружит,/ И вдруг прыжок, и вдруг летит,/ Летит, как пух из уст Эола;/ То стан совет, то разовьет/ И быстрой ножкой ножку бьет».

Ис - то - ми - на... Вслушайтесь в шепоток первого слога, и далее в эти плавные призывные сонорные согласные... Роковая женщина, прима-балерина, звезда водевилей, по

стопам за ней словно бы простирался шлейф бескомпромиссных дуэлей. Одна из них, знаменитая «четверная», в конце концов, и привела Грибоедова в Тифлис. На сохранившиеся портреты Истоминой лучше не смотреть, если искать в них сходство с подлинной Истоминой. Ее словесный портрет, составленный современниками и дошедший до нас, гораздо живей и точнее: «... светлокочая брюнетка с огромными черными глазами, полными огня, и чрезвычайно длинными ресницами, придававшими взору томность и загадочность. Несвойственная современным балеринам округлость форм...».

Но такую прелестную внешность можно сотворить и в мастерских Музея мадам Тюссо. Истомина зачаровывала не только своим обликом, но и музыкальностью, «тонкой натурой, острым чувством прекрасного, немалым умом и веселым, легким характером. Общительная и дружелюбная, окруженная множеством поклонников, она вела необычно открытый для балерины образ жизни, постоянно вращаясь в кругу тогдашней светской богемы». По свидетельству современников, ни одна из актрис того времени не была так часто в кругу литераторов, как Авдотья (так чаще называли Евдокию) Ильинична.

«Великолепная четверка» из ближнего круга Истоминой представляла собой цвет молодежи Северной Пальмиры: дипломат, поэт и музыкант Александр Грибоедов; граф Василий Шереметев, самых

▲ А.Завадовский убивает В.Шереметева

что ни на есть голубых кровей – знать из знати; «светский лев», остроумнейший и умнейший камер-юнкер граф Александр Завадовский; поэт и театрал, отчаянный храбрец и дуэлянт Александр Якубович.

Баловнем судьбы, содержанкой которого стала Авдотья Ильинична – Дуня, оказался кавалергардский штаб-ротмистр Василий Шереметев, добродушный, но страшный в приступах ревности. «Царица Петербурга» Истомина была дочерью спившегося полицейского пристава, прапорщика, и на всю жизнь сохранила страсть к деньгам, коих у Шереметева водилось во множестве. Однако вспышки гнева ревнивца все учащались и, в конце концов, терпеть это стало невозможно. Истомина, воспользовавшись отъез-

дом сожителя, удрала на квартиру к подруге. Впоследствии она утверждала, что всему виной была взбалмошность Шереметева, но светская молва главной причиной называла отощавший кошелек щедрого кавалергарда. Известие об этом бегстве весьма обрадовало Завадовского, давно и безуспешно увивавшегося за Истоминой, а ведь он не привык «оставаться с носом». Грибоедов в те дни квартировал у Завадовского, на углу Невского и Большой Морской.

Выждав однодневную паузу, Завадовский упросил Грибоедова, на правах старого друга, пригласить Истому к себе домой на чашку чая. Зная, как опасно быть застигнутой врасплох Шереметевым, Истомина, совершенно в духе остро-

сюжетных детективов, после спектакля отправилась в гости в закрытой казенной (театральной) карете, но, посчитав и эту меру недостаточной, пересела в сани у Гостиного двора. За чашкой чая наверняка последовало предложение порции виски – экстравагантный граф Завадовский слыл восторженным поклонником всего британского и первым ввел в России моду на этот напиток. Однако пылкие его признания взаимности не обрели, и Грибоедов увез Истомину восвояси. По другим сведениям, балерина все-таки «задержалась» у Завадовского на два дня.

Беда в том, что Шереметев прознал обо всем этом. По одним свидетельствам, он следил за «путешествием» Истоминой, но это представляется маловероятным и, скорее, пригодным в качестве материала для опереточного романа. Гораздо реалистичнее версия о примирении Шереметева с Истоминой, после которого кавалергард потребовал у нее подробного отчета о последних днях, проведенных в его отсутствие. Причем, потребовал, взведя курок пистолета и угрожая, в случае отказа в чистосердечном признании, кровопролитием без всякой пощады.

Перепуганная Авдотья Ильичина действительно рассказала все как на духу. Потерявший голову от гнева и обиды, Шереметев ринулся по самому неудачному в возникшей ситуации адресу – к прославленному бретеру Якубовичу, которого хлебом не корми – дай только подражаться на дуэли. Нетрудно дога-

даться, какой совет получил он от друга – сорви-головы: «Стреляться, стреляться и стреляться!». Да, стреляться. Но кому и с кем? Якубович рассудил, что раз Истомина была у Завадовского, а привез ее туда Грибоедов, вызывать надо того и другого. Якубович предложил Шереметеву стреляться с Грибоедовым, а на себя брал Завадовского. Когда же друзья изложили эти условия Грибоедову, тот от вызова Шереметева отказался, не признав за собой вины. Но при этом заявил, что будет стреляться с Якубовичем (!).

Александр Бестужев-Марлинский и другие современники Грибоедова пишут о его меланхолическом характере и нервной раздражительности, развившейся вследствие не особенно отрадной домашней обстановки. Но при этом отмечают, что никто не мог бы похвалиться его лезть, никто не мог бы сказать, что слышал от него неправду. Он мог сам обманываться, но обманывать других – никогда. Решение Грибоедова стреляться с Якубовичем находится в полном соответствии с этими характеристиками. Мало кто решился бы добровольно попасться «на зубок» Якубовичу, который стрелял без промаха.

В записках современников сохранилась комическая мизансцена: когда, в исступлении, Шереметев требовал у Завадовского сатисфакции «здесь и сейчас», потрясая пистолетом, Завадовский, с невозмутимостью истого британца, просил сначала дать ему дообедать. Но Шереметев был столь назойлив,

что Завадовский залепил ему в лицо мороженым, после чего пути назад уже не было. Сохранилось предание и о том, что Шереметев принял решение стреляться насмерть после дерзкого ответа Завадовского на его вызов: «За танцовку Истомину я не дерусь! – Она Шереметеву не сестра, не дочь и, тем более, не жена!»

Но во время дуэли на Волковом кладбище 12 ноября 1817 года было уже не до шуток и не до дерзостей. Первыми стрелялись Шереметев с Завадовским. И об этом поединке сохранились воспоминания современников. Условия были приняты максимально жестокие – стреляться с шести шагов. Тем не менее, существуют свидетельства, что Завадовский не собирался стрелять на поражение. Но после того как Шереметев прострелил ему край воротника, взбешенный Завадовский приблизился к краю барьера (что означало всю серьезность намерений), выстрелил и ранил Шереметева в левый бок.

Шереметев заверещал, несколько раз подпрыгнул, рухнул и стал кататься по снегу, истекая кровью. Тогда присутствовавший на дуэли поручик Петр Каверин подошел к раненому и сказал ему: «Что, Вася, репка?», что на петербургском сленге означало: «Что, не понравилась закуска?». Якубович, вытащив пулю, протянул ее Грибоедову со словами: «Это – для тебя». С намеком на то, что их дуэль, пусть и отложена, но все же состоится.

После этой трагической истории Якубович из лейб-уланов был пере-

▲ Александр I

▲ Петр Каверин

веден, по сути, сослан на Кавказ, в драгунский полк. Завадовского отправили на милый его сердцу туманный Альбион, где он, к слову, промышлял карточным шулерством и покрыл свое имя несмываемым позором. Последствия этой дуэли могли быть гораздо печальнее для ее участников, однако отец Шере-

▲ Дарьяльское ущелье

метева винил в случившемся сына. Он не мог простить отпрыску древнейшего дворянского рода де-факто семейной жизни с танцовкой. Не мог простить, даже когда сын лежал на смертном одре. К тому же ему было известно не понаслышке, сколь вспыльчивым бывало его избалованное чадо. Поэтому Василий Шереметев-старший просил Александра I помиловать всех участников дуэли. Император избрал наиболее легкое наказание из всех возможных для подобных случаев.

Что касается Грибоедова, к нему никаких особых санкций, кроме порицания, применено не было. Но пострадал он все же более других. Днем и ночью не давали ему по-

кая крики и предсмертные судороги Шереметева. Душевное смятение усугубляло осознание того, что именно он, пусть и косвенно, повинен во всей разыгравшейся трагедии. Остаться в Петербурге, где все напоминало об этом, далее было невозможно. Грибоедов искал возможности полностью «сменить декорации» – тень окровавленного юноши не давала ему возможности ни спать, ни мыслить. С удивительной точностью это состояние передает Пушкин словами Онегина: «Оставил он свое селенье,/ Лесов и нив уединенье,/ Где окровавленная тень/ Ему являлась каждый день,/ И начал странствия...» Возникает вопрос: не доводилось ли Пушкину слышать об этом тяжелейшем стрессе Грибоедова, если не из первых уст, то из бесед в кругах петербургской аристократии?

Вскоре судьба предоставила

▼ Александр Пушкин

▲ Селение Казбек

Грибоедову возможность покинуть «отравленное» тягостными воспоминаниями петербургское пространство. Поверенный России в делах Персии Семен Мазарович предлагает ему перевестись на службу в Персию. И Грибоедов без раздумий соглашается. Он выезжает из Петербурга 28 августа 1818 года и приезжает в Грузию 21 октября. Сохранились его путевые заметки, фрагменты которых, связанные с Грузией, приводятся ниже:

«5-й переход. Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества камней; иные из них огромны, один разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток

▲ Гранитный крест на Военно-Грузинской дороге

завала теперь необъятен, — каков же был прежде. Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, picturesque. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта плитой, монастырь посреди горы Казбека.

▲ Военно-Грузинская дорога близ Мцхета

Сама гора в 25-ти верстах.

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дарилею. Множество народу встречается на дороге.

6-й переход. Ужасное положение Коби – ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и все камни и снега, солнца не видать. Все вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до

Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, с лишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка; едва можно различить на крутой уединенной горке осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-помалу пропадает, все начинает зеленеться, спускаемся с Ка-

▲ Старый Тифлис

шаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням все ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди дерев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога — грушевые деревья, мелоны, яблони. И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремится в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верш. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, — горы востока, а

не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посаканур. Мы в дрожках; один из нас правит.

7-й переход. Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Ананура. Душет. Замок и замки...

8-й переход. Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев».

Вот, что пишет профессор ТГУ Иван Ениколопов (Энаколопашвили), в течение 30 лет являвшийся директором Пантеона общественных деятелей на Мтацминда, где похоронен Грибоедов, организатор музея Грибоедова, впоследствии превратившегося при его активном участии в государственный Литера-

турный музей Грузии:

«Первое пребывание Грибоедова в Тбилиси было не долгим: приехав в столицу Грузии 21 октября 1818 года, он выехал из нее в Иран 28 января 1819 года.

В ту пору в Тбилиси, не оправившемся еще от следов варварского разорения Ага-Магомет-ханом в 1795 году, насчитывалось, вместе с расположенными в нем войсками, около 40 тысяч жителей. Во многих частях города на месте прежних улиц и площадей видны были либо пустыри, либо остатки разрушенных стен. Все население города ютилось в трех тысячах домов, из которых фактически лишь треть была пригодна для жилья. Скученность населения, сосредоточившегося преимущественно в центральной части города (жители Тбилиси не решались селиться по левому берегу реки Куры, так как были напуганы прежними набегами абрагов (горцев, живущих вне власти и закона – *В.С.*), усугублялась еще присутствием русских войск, расположенных на постой в квартирах обывателей. Все это вынудило Ермолова, управлявшего краем, принять меры к застройке города и к его расширению.

Пожелавшим переселиться в Россию вюртембергским немцам «сектаторам» были предоставлены по прибытии в Грузию (в 1818 году) земли в лучших частях края: земледельцам – неподалеку от Тбилиси, а ремесленникам – участки в городе. Тогда же началось строительство каменных казарм на Авлабаре и здания штаба армии, провиантского

депо – в верхней части города; приступили также к перестройке здания дворца.

В этом смысле справедливо замечание Грибоедова в его письме к редактору «Сына отечества» от 21 января 1819 года о том, что «город приметно украшается новыми зданиями».

В этом же письме Грибоедов делится некоторыми своими впечатлениями о Тбилиси: «В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города вюртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются...

Вечером в порядочных домах танцуют, на саклях (террасах) звучат бубны, и завывают песни, очень приятные для поющих».

За время своего первого пребывания в Тбилиси Грибоедов приобретает знакомства не только среди чиновников управленческого аппарата, но и среди местного, коренного населения. С годами связь с местным населением все более и более крепнет и приводит Грибоедова, наконец, к решению связать свою деятельность с Грузией...»

Грибоедов остановился у Жан-Поля Матасси, Франка Поля – в единственной гостинице-трактире в Тифлисе тех времен. Она находилась неподалеку от современной площади Свободы, на улице Леселидзе, где сейчас разбит сквер. В этом трактире, по сохранившимся разрозненным воспоминаниям, по-

▲ Торговые ряды в Тифлисе

мещалось известное тифлисское «клубное собрание», пристанище вольнодумцев. «Хозяин и хозяйка, Поль с женой... Прихожу к Полю, биче (мальчик-половой, прислуга – *V.C.*) его, который тарелки чистит, принимает депутацию от крепостных своих мужиков», – такую дневниковую запись оставляет Александр Сергеевич.

Центр тогдашнего Тбилиси Грибоедов описал следующим образом: «Настоящий город или Кале (Кала) к югу от предместья, в виде прямоугольника, которого диагональ плотно примыкает к Куре. Здесь находятся присутственные места, базары, караван-сарай, большая часть лавок и коренные жители, издавна имеющие свои дома». Особенно любил

он возвышающуюся над городом Мтацминда (Святую гору), откуда часто любовался величественной панорамой. Помнит Грибоедов и старинный городской район Авлабари. Во его времена Грибоедова это было предместье города, он так и записал: «Предместье Авлабарское. Там только одна большая улица вновь перестраивается». Хорошо знал Грибоедов и ту часть Старого города, которая называется Гаретубани (Предместье). Здесь некогда хаотично и случайно, вперемежку с пустырями, располагались царские сады и виноградники, редкие усадьбы феодалов, окруженные домишками дворовой челяди...). Весь этот район столицы Грузии не раз был исхожен Грибоедовым. Бывал

▲ Вид на Сиони

он и в колоритном Сеидабадском квартале (ныне Абанотубани, район серных бань) неподалеку от развалин крепости Нарикала. Любопытно, что еще в 1827 г. Грибоедов предлагал реставрировать этот древнейший памятник грузинской материальной культуры. В «Записках о лучших способах вновь построить город Тифлис» он предлагал «поправление крепости», реставрация сохранившейся части которой была осуществлена лишь в конце прошлого века. У подножья Сеидабадской возвышенности находятся прославленные серные бани, упоминаемые с XIII в. и воспетые А.С. Пушкиным, А. Дюма (отцом) и другими. Грибоедову они очень нравились». 12 мая 1827 года он писал: «Выезжаем из Тифлиса. Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музы-

▲ Вид на Метехи

▲ В серной бане

кантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны».

Сосланного на Кавказ и служившего в Тифлисе Якубовича Грибоедов встретил в первые же дни. Пылая жаждой «мести за друга», а на самом деле попросту желая вновь окунуться в любимую атмосферу поединка, Якубович настаивал на дуэли, несмотря на то, что повода как такового не было. Грибоедов пытался вразумить неисправимого забияку, спрашивал, когда и чем он его оскорбил, но Якубович был непреклонен, ссылаясь на клятву, якобы данную им умирающему Шереметеву. Без сомнений, Якубович лгал, ибо всему Петербургу было известно, что накануне своей кончины Шереметев призвал Грибоедова и примирился с ним при свидетелях. Но переупрямить Якубовича было невозможно.

Было предложено стреляться на квартире у Якубовича, но это смахивало на убийство – мало того, что Якубович, старый вояка, наголову

превосходил Грибоедова как стрелок, так он еще знал каждый закоулок своего жилища. Тогда секундант Якубовича Николай Муравьев (будущий генерал Николай Муравьев-Карский) обнаружил укромный овражек у Татарской могилы, на территории селения Кукия, где в наши дни расположено одно из самых старинных и больших тбилисских кладбищ. Там и решено было сойтись в поединке. Секундантом Грибоедова выступил его сослуживец, дипломат Амбургер.

Из «Записок» Н. Муравьева-Карского:

«1818 г. Тифлис. 7-го <октября>. Якубович рассказал мне в подробности поединок Шереметева в Петербурге. Шереметев был убит Завадовским, а Якубовичу тогда должно было стреляться с Грибоедовым за то же дело. У них были пистолеты в руках; но, увидя смерть Шереметева, Завадовский и Грибоедов отказались стреляться. Якубович с досады выстреляет по Завадовскому и прострелил ему шляпу. За сие он был сослан в Грузию. Теперь едет через Грузию в Персию Грибоедов. Якубович хочет с ним стреляться и поверил сие мне и Унгерну. Он не зовет нас в секунданты, зная, чему они подвергаются со стороны правительства, но желает, чтобы мы шагах в двадцати находились и помогли бы раненому. Я советовался на сей счет с Унгерном, и мы не находим в Тифлисе места удобного для сего. Грибоедов едет сюда потому, что он находится при Мазаровиче, который назначен поверенным

в делах при персидском дворе. Мазаровичу положено при сем месте 3000 червонцев жалованья, кроме экстраординарной суммы.

8-го. После обеда ходил в сад, дабы найти место, удобное для поединка Якубовича. Вечер провел у меня Якубович. Его образ мыслей насчет многих предметов мне очень понравился.

21-го. Якубович объявил нам, что Грибоедов, с которым он должен стреляться, приехал, что он с ним переговорил и нашел его согласным кончить начатое дело. Якубович просил меня быть секундантом. Я не должен был отказаться, и мы условились, каким образом сие сделать. Положили стреляться им у Талызина на квартире.

22-го. Я обедал у француза и видел Грибоедова. Человек весьма умный и начитанный, но он мне показался слишком занят собой. Секундант его маленький человек; не знаю, кто он такой. С ним вместе приехал сюда один капитан Быков, лейб-гвардии Павловского полка, для выбора людей в гвардию. Ввечеру Грибоедов с секундантом и Якубовичем пришли ко мне, дабы устроить поединок как должно. Грибоедова секундант предлагает им сперва мириться, говоря, что первый долг секундантов состоит в том, чтобы помирить их. Я отвечал ему, что я в сие дело не мешаюсь, что меня призывали тогда, как уже положено было драться, следовательно, Якубович сам знает, обижена ли его честь. И мы начали улавливаться; но тот вывел меня в другую комнату и просил

меня опять стараться о примирении их, говоря, что он познакомился в Москве с матерью Грибоедова, которая просила его стараться сколько возможно остановить сей поединок, который она предвидела, и, следовательно, что долг заставлял его сие делать. Между тем Якубович в другой комнате начал с Грибоедовым спорить довольно громко. Я разнял их и, выведя Якубовича, сделал ему предложение о примирении; но он и слышать не хотел. Грибоедов вышел к нам и сказал Якубовичу, что он сам его никогда не обижал. Якубович на то согласился. «А я так обижен вами; почему же вы не хотите оставить сего дела?» — «Я обещался честным словом покойному Шереметеву при смерти его, что отомщу за него на вас и на Завадовском». — «Вы поносили меня везде». — «Поносил и должен был сие сделать до этих пор; но теперь я вижу, что вы поступили как благородный человек; я уважаю ваш поступок; но не менее того должен кончить начатое дело и сдержать слово свое, покойнику данное». — «Если так, так господа секунданты пушай решат дело». Я предлагал драться у Якубовича на квартире, с шестью шагами между барьерами и с одним шагом назад для каждого; но секундант Грибоедова на то не согласился, говоря, что Якубович, может, приметался уже стрелять в своей комнате.

Я согласился сделать все дело в поле; но для того надобно было достать бричку, лошадей, уговорить лекаря. Амбургер, секундант Грибоедова, взялся достать брич-

ку у братьев Мазаровичей и нанять лошадей. Он побегал к ним, а я к Миллеру, который сперва подумал, что его в секунданты звали, смешался сперва и не хотел согласиться; но когда он узнал, что его просили только помочь раненому, он тотчас согласился и обещал мне на другое утро дожидаться меня. Амбургер, со своей стороны, достал бричку. Все опять у меня собрались, отужинали, были веселы, дружны, разговаривали, смеялись, так что ничего на поединок похожего не было. Желая облегчить поединок (как то был мой долг), я задержал Унгерна и Якубовича у себя, после того как все ушли, и предлагал Якубовичу кончить все при двух выстрелах, несмотря на то, будет ли кто ранен, и взяты восемь шагов между барьерами. Но он никак не согласился на мое предложение, и я принужден был остаться при прежних правилах.

23-го. Я встал рано и поехал за селение Куки отыскивать удобного места для поединка. Я нашел Татарскую могилу, мимо которой шла дорога в Кахетию; у сей дороги был овраг, в котором можно было хорошо скрыться. Тут я назначил быть поединку. Я воротился к Грибоедову в трактир, где он остановился, сказал Амбургеру, чтобы они не выезжали прежде моего возвращения к ним, вымерил с ним количество пороха, которое должно было положить в пистолеты, и пошел к Якубовичу, а от него к Миллеру; но Миллера я не застал дома. Я побегал в военный госпиталь, нашел его там и сказал ему, что ему уже отправляться пора.

Мы с ним условились, что он прежде всех поедет в Куки в военный госпиталь, что он там дожидется, пока я проеду, и поедет в лагерь к колонистам, откуда он будет смотреть к монументу, и как скоро я покажусь верхом из оврага, он поскачет к нам. Якубовичу я сказал, чтобы он отправлялся пешком к месту, спрятавшись бы за монумент и не выходил бы оттуда, пока я его не позову. Амбургеру с Грибоедовым я сказал, чтобы они в бричке ехали и взяли бы с собой свои пистолеты. Я сам поехал верхом, увидел Миллера, поставил бричку за горой и повел Грибоедова с секундантом. Я полагал, что Якубович, который видел, куда бричка поехала, пойдет за ней; но он пошел к монументу и спрятался за оный. Я забыл, что ему велел туда идти, и, когда Грибоедов спросил у меня, где он, я поскакал из оврага и, вспомня, что он за памятником, позвал его; но Миллер принял сие за знак, подумал, что ему выезжать пора, и тронулся, но он не приметил оврага, в который я опять въехал, и проскакал в горы.

Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцев, удалились на несколько шагов. Они были без сюртуков. Якубович тотчас подвинулся к своему барьеру смелым шагом и дожидался выстрела Грибоедова. Грибоедов подвинулся на два шага; они простояли одну минуту в сем положении. Наконец Якубович, вышедши из терпения, выстрелил. Он метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова; но пуля попала ему в левую кисть руки».

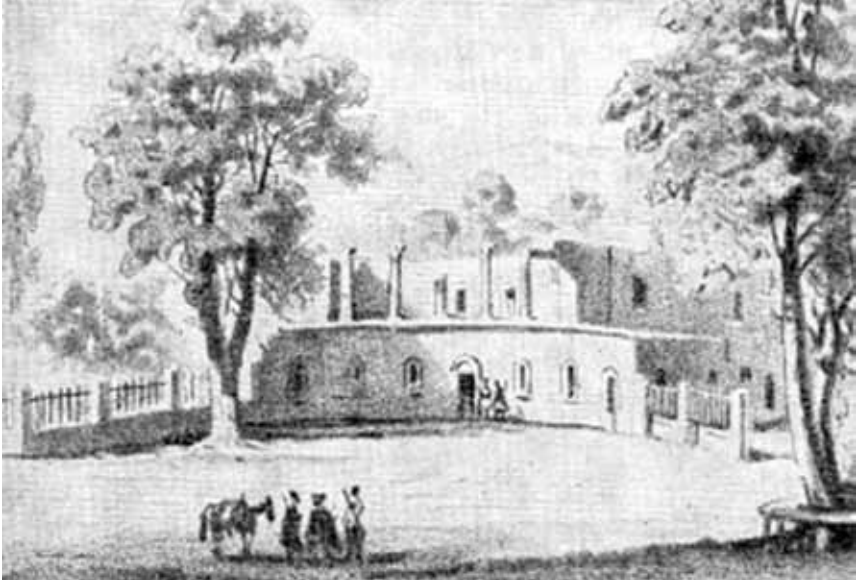
▲ Александр Якубович

Из статьи «Дуэли Александра Якубовича», опубликованной турагентством «Мой Петербург»: «Грибоедов – человек «холодной блестящей храбрости» (Пушкин), видимо, вывел своим спокойствием Якубовича из терпения, поскольку «кавказец» выстрелил первым. По его же собственным словам, Якубович не собирался лишать противника жизни (а как же версия о кровавом мщении? – В.С.), поэтому целил ему в ногу или в руку – исключительно «в знак памяти лишить его руки» или чтобы «лишить удовольствия играть на фортепиано». Грибоедов теперь имел право подойти ближе к барьеру, чтобы произвести свой выстрел наверняка. С окровавленной левой рукой, которую он показал секундантам, Александр Сергеевич Грибоедов выстрелил. Пуля пролетела рядом с затылком Якубовича, причем так близко, что тот даже схватился за голову, считая себя раненным. Но убийство не

состоялось, хотя Грибоедов, став к барьеру, твердо решил лишить его жизни, несмотря на то, что перед поединком собирался лишь раздробить этому опасному интригану и аморальному бретеру плечо, чтоб он больше не мог владеть оружием... Левый мизинец Грибоедова, пробитый пулей, так и остался скрюченным. До конца жизни Грибоедов носил на нем специальную накладку – протез». Из «Википедии»: «Именно по этому протезу удалось впоследствии опознать обезображенный труп Грибоедова, убитого религиозными фанатиками во время разгрома русского посольства в Тегеране». Как утверждает профессор Шадури, Грибоедов, которому по жребию выпало стрелять первым, намеренно и демонстративно выстрелил мимо. Якубович не оценил подобного благородства и цинично заметил: «Шалишь, братец! Не будут больше дамочки слезы лить под твои фортепяны!» – и выстрелил в руку Грибоедову.

Помощь раненому Грибоедову оказывал ординатор тифлисского госпиталя Миллер, рекомендованный инспектором Грузинской врачебной управы Иваном Прибилем. Тот лечил Грибоедова от малярии и бывал в домах Александра Чавчавадзе и Прасковьи Ахвердовой, у которой воспитывалась Нина Чавчавадзе. Забегая вперед, отметим, что Грибоедов чувствовал себя как дома и в родовом имении князя Александра Чавчавадзе – Цинандали, куда его привезли после ранения.

Цинандали – место сакраль-

▲ Усадьба Цинандали. Первая половина XIX в.

ное и во многом символичное. Как подчеркивает туристический сайт travelgeorgia.ru, «отсюда началась европеизация Грузии, отсюда началось грузинское виноделие в современном «формате» отсюда же началась грузинско-русская культурная интеграция, с минимальной политической примесью. Сейчас здесь находится музей, парк, винохранилище и дегустационный зал». Здесь же – «Аллея любви», по которой несколько отведенных им судьбой счастливых прогулок совершили новобрачные Александр и Нина. Туристический сайт sightseen.turistua.com детализирует: «Дом-музей Александра Чавчавадзе построен оригинально, чувствуется слияние русской и грузинской архитектуры. Издалека видны старинные фонари

у входа, овальные окна, балкон с двойными столбами, украшенными резьбой по дереву. Простота, изящество и уют. Внутреннее убранство дома впечатляет не столько богатством, сколько скромностью. Сохранился кабинет хозяина, оставленный резной мебелью. В огромном светлом зале собраны старинные вещи, картины; хранится платок, по преданию подаренный Лермонтовым Нине Чавчавадзе.

Дом со всех сторон окружен садом, красивым и ухоженным, – он напоминает миниатюрный ботанический сад. Аккуратно подстриженные газоны, роскошные кустарники и величавые деревья, рядом тенистая бамбуковая роща, возле которой бродят цесарки. Стройные кипарисы обращают на себя внимание высо-

▲ Усадьба Цинандали. Вторая половина XIX в.

той и нарядностью. Сад украшают многие виды пальм и другие деревья, завезенные в Кахетию из разных мест. На краю, у обрыва, стоит старенькая скромная церквушка, в которой венчались Нина Александровна и Грибоедов».

Литератор Алла Молчанова в своем эссе «Нина Чавчавадзе-Грибоедова» подчеркивает: «Выросшая в семье грузинского аристократа и поэта, тесно связанного с русскими литературными кругами, Нина еще в ранней юности отличалась необыкновенной красотой, изысканностью манер и душевной добротой. Грибоедов, служивший в 1822 году в Тифлисе, часто посещал дом князя Чавчавадзе и давал его дочери уроки музыки». А у писателя и журналиста Игоря Оболенского читаем: «Генерал Александр Чавчавадзе был не только блистательным военным, но и поэтом. Именно он стал первым, кто перевел на грузинский язык сочинения Пушкина, Расина, Вольтера. Побывать в гостях в его имении в Цинандали почиталось за

▲ Александр Чавчавадзе

большую честь. Французский консул Гамба называл дворец Чавчавадзе «чудом, не уступающим по своему устройству лучшему европейскому замку. Грибоедов часто гостил в Цинандали. Именно сюда в 1818 году его привезли после дуэли с Александром Якубовичем. Маленькая дочь генерала Чавчавадзе трогательно ухаживала за другом своего отца,

▲ Дом-музей в Цинандали

который давал ей уроки игры на фортепиано».

Отец хозяина усадьбы Гарсеван Чавчавадзе, как уточняет все тот же туристический сайт travelgeorgia.ru, «был одним из организаторов присоединения Грузии к России, подписавшим Георгиевский трактат. Его сын Александр занял позиции противника политического подчинения Грузии России и в 1805 году был сослан в Тамбов за участие в антироссийском восстании, затем служил в лейб-гусарском полку и участвовал в походах в Европу в 1812, 1813 и 1814 годах, был свидетелем взятия Парижа. Вернувшись в Кахетию, он приступил к реализации частного проекта по европеизации Грузии. Александр Чавчавадзе построил в Цинандали усадьбу с европейскими интерьерами и первый винзавод,

чем положил начало промышленному виноделию. Там начали производиться вина по европейской технологии, например, известное сейчас «Цинандали». Сюда приезжали Пушкин, Лермонтов, здесь короткое время жил Грибоедов с юной своей супругой Ниной. Есть версия, что именно в Цинандали прошла первая постановка комедии «Горе от ума»: возможно, любительская и неполная».

Впрочем, если она и состоялась, то прошла «под грифом» домашнего спектакля. Сохранились сведения о дебютной тифлисской постановке «Горя от ума». В те дни русский театр в Грузии делал первые робкие шаги, и грузинские литераторы принимали деятельное участие в его укреплении и развитии. Одним из членов дирекции театра был Алек-

▲ Александр Яблочкин

сандр Чавчавадзе. Постановка состоялась уже после гибели Грибоедова. Постоянный русский театр был учрежден в Грузии в 1845 году, при наместнике Михаиле Воронцове. Хотя любительские спектакли на частных сценах устраивались уже с 1801 г. Репертуар, правда, состоял главным образом из водевилей.

В 1846 г. режиссер А. Яблочкин (отец народной артистки СССР А. Яблочкиной) предпринимает попытку обратиться к серьезному репертуару, в частности, пьесе «Горе от ума». Спектакль был дан 8 октября 1846 г. в бенефис артистки Маркс. Сам Яблочкин выступил в роли Чацкого. Но постановка оказалась неудачной. Водевильные артисты были не в состоянии воплотить столь глубокие сценические образы.

Зрители остались недовольны

▲ Александра Яблочкина

спектаклем. Осудила его и пресса. Газета «Кавказ» «по горячим следам» журила: «Должно ли было допустить такое представление на тифлисской сцене?». И далее: «Особо серьезно надо было отнестись к постановке «Горя от ума» в Тбилиси, где Грибоедов жил жизнью сердца, где действовал для пользы и славы отечества, где покоится прах его, и любовь к нему еще долго не погаснет во многих сердцах». Далее следует совет театру постараться «держаться водевильного репертуара, прекрасно разыгрываемого труппой». Более подробный рассказ о постановках «Горя от ума» в Грузии следует ниже.

Что же касается дуэли Грибоедова с Якубовичем, то весть о ней не дошла официально до властей, а

сама дуэль не имела последствий для ее участников ввиду благоприятного исхода поединка. Но зато она дошла до Алексея Петровича Ермолова, «великого и ужасного» главноуправляющего Кавказа, «проконсула Иберии», как его называл Грибоедов, с намеком на Юлиа Цезаря, также бывшего проконсулом Иберии, но только не Грузии, а Испании. Алексей Петрович выразил свое крайнее неудовольствие, но недолго сердился на дуэлянтов. Ермолов восхищался Якубовичем, его храбростью, презрением к опасности и называл будущего декабриста «моя собственность». К Грибоедову он относился по-отечески, а молодой дипломат, в свою очередь, называл властителя Кавказа еще и «сфинксом новейших времен», считая, что никто до конца не понимает масштаб его личности.

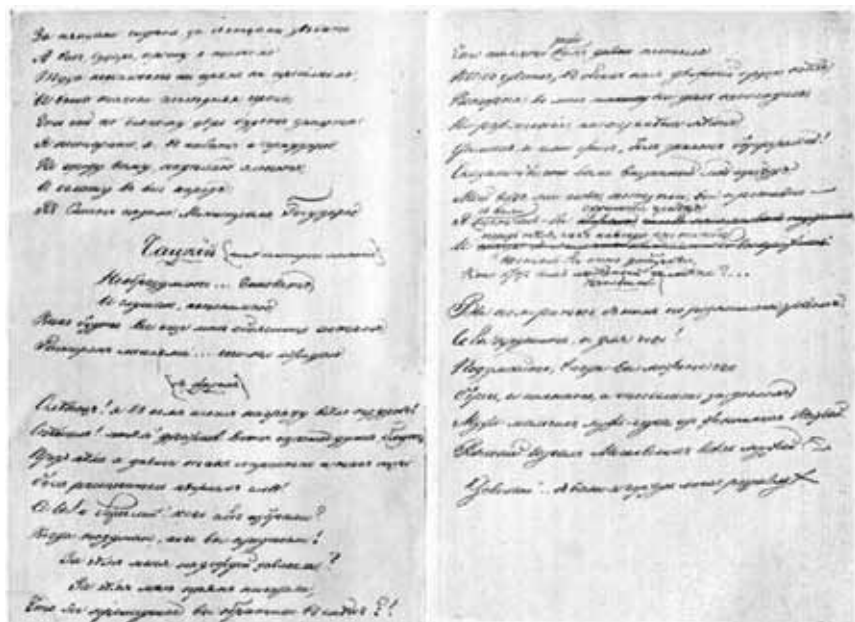
Впрочем, мужество и бесстрашие Грибоедова также было известно Ермолову. И не ему одному, а всей грузинской и российской общественности. Ведь он принимал непосредственное участие в боях под Ахалкалаки. «Под Гумрами наткнулся я на отрядец из двух рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерского и 100 человек выздоровевших – все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти. Я их тотчас взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки, всякую минуту ожидаем нападения», – сообщал Грибоедов в письме Ф. Булгарину. Принимая участие в бо-

евых операциях на Кавказе, поэт зарекомендовал себя подлинным смельчаком. Не подвергая сомнению подлинную доблесть Грибоедова, вспомним все же свидетельство В. Иона: «Паскевич в письмах своих жаловался, что слепой (Грибоедов был очень близорук), не вникая никаким убеждениям, разъезжает себе в первых рядах под пулями.

А вот, что пишет историк Сергей Шостакович в своей книге «Дипломатическая деятельность Грибоедова»: «Грибоедов направлялся в Иран, где должен был работать в русской миссии. Общее направление деятельности последней оставалось за главноуправляющим в Грузии. Поэтому естественно было Ермолову включить и Грибоедова по приезду последнего в Тифлис в

▼ Алексей Ермолов

▲ Рукопись «Горя от ума»

круг тех лиц, которые собирались у него вечерами. Подобно многим, кто соприкасался с генералом, и Грибоедов остро и полно испытал на себе обаяние яркой личности Ермолова. «Я его видел каждый день, по несколько часов проводил с ним вместе, и в удобное время, чтобы его несколько узнать...», — писал Грибоедов о тех двух месяцах, которые провел на Кавказе перед тем, как выехать в миссию в Иран. — Что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрыв-

чатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим...»

Вполне понятно, что Грибоедов в первое время своего общения с Ермоловым был без ума от него. Этому способствовала редкая обаятельность героя Бородина и Кульма. Ермолов поражал и своею внешностью, и простотой обхождения, и язвительным остроумием, которое он рассыпал «полными пригоршнями», мужественной храбростью и суровым образом жизни.

В беседах с Грибоедовым Ермолов, несомненно, касался задач

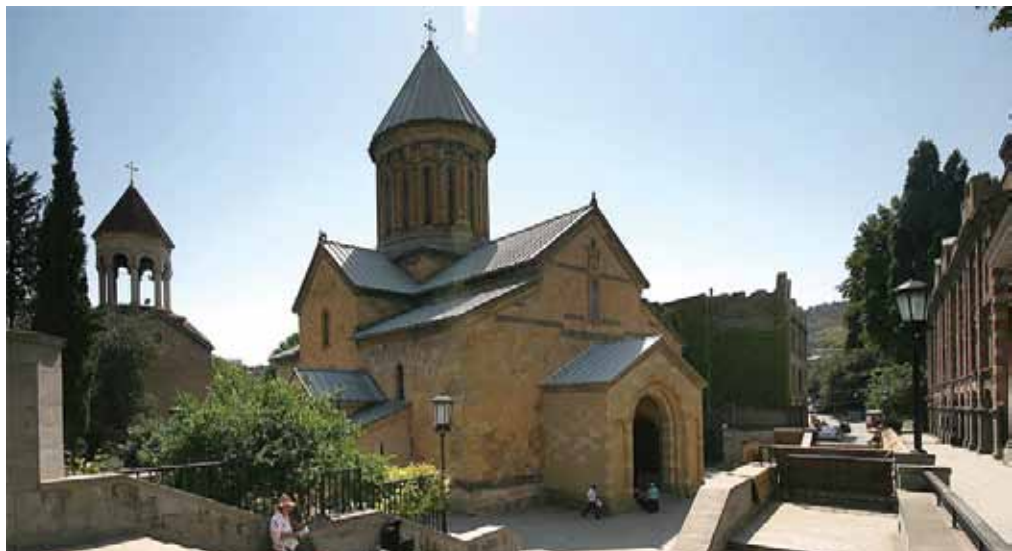
▲ Танцы на кровлях тифлиских домов

русской миссии в Иране и политики европейских государств на Востоке. Генерал делился с молодым сотрудником своим «персидским опытом», а Грибоедов проходил у него свою первую дипломатическую школу. Пока не сложились у Грибоедова собственные взгляды на иранскую политику России, по ряду вопросов в корне противоположные ермоловским, он невольно должен был смотреть на многое в русско-иранских отношениях глазами главнокомандующего, принимать его оценку событий и действующих лиц на Востоке и его взгляд на задачи, стоявшие перед русскими властями Закавказья.

Увлекательные рассказы Ермолова о посещении Ирана, о дипло-

матических отношениях с ним, учили Грибоедова разным «дипломатическим маневрам», в которых Ермолов, не являясь дипломатом-профессионалом, но будучи от природы находчив, оказался мастером».

Пребывание в Персии и ее красоты отнюдь не вдохновили Грибоедова. Три года в Тавризе главным его развлечением было совершенствование в изучении фарси. Самым важным событием этого трехлетнего цикла следует считать первые наброски (именно наброски) «Горя от ума». Грибоедов отчаянно скучал по Москве, по своим просвещенным товарищам, по светской жизни. Воспользовавшись первым же случаем, Грибоедов подал прошение о переводе в Тифлис, чиновником по

▲ Сиони. Современный вид

дипломатической части при главноуправляющем Ермолове.

На этот раз Грибоедов провел в Тифлисе более года. Он живет в доме на Экзаркшеской (ныне – Ираклия II) площади, возле особняка князя Александра Орбелиани. Здесь он «отшлифовывает» текст «Горя от ума» (в Тифлисе написаны первые два акта). Экзаркшеская площадь была излюбленным местом сбора представителей всех грузинских сословий. Из разных концов города стекались они сюда, заключали торговые сделки, делились политическими новостями и разного рода слухами, за что площадь получила название Салакбо, что буквально означает место разговоров, болтушку, а в широком смысле – рынок, толкучку. Здание, где Грибоедов жил с 1821 по 1823 годы, где работал над

«Горем от ума» и читал рукопись Кюхельбекеру, не сохранилось.

Один из самых колоритных уголков Старого города – Клдисубани (Наскальный квартал) был некогда тесно застроен караван-сараями, торговыми лавками, ремесленными мастерскими, где изготовлялись и

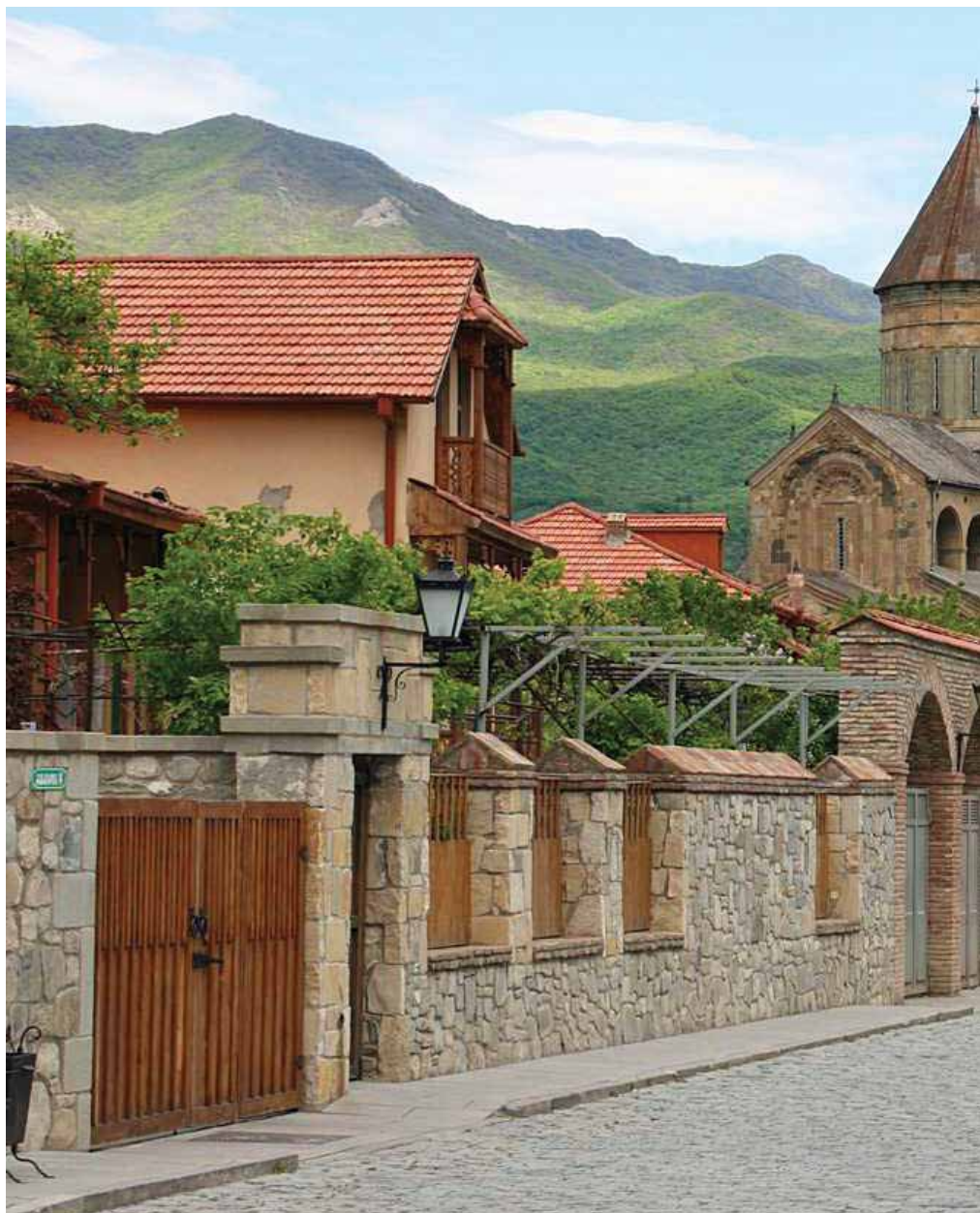
▲ Светицховели и вид на Джвари

тут же продавались различные предметы обихода. Здесь, в лавке прославленного оружейного мастера Георгия, Грибоедов купил кинжал, который в 1837 г. был подарен его вдовой Ниной Михаилу Лермонтову. Примечательно, что мастерская эта располагалась рядом с древнейшим, красивейшим и многострадальнейшим Сионским кафедральным собором. Где 22 августа 1828 года, при большом стечении народа, состоялось тбилисское венчание Грибоедова и Нины Чавчавадзе с ужасной приметой – оброненным на пол обручальным кольцом. И где десять месяцев спустя, 18 июня 1829 г. Грибоедова отпевали, и его оплакивал весь Тифлис.

Грибоедов хорошо знал также историю и достопримечательно-

сти неповторимого архитектурного ансамбля Мцхета, и прежде всего главную его святыню Светицховели и венчающий вершину горы над сплетением рек Арагвы и Куры монастырь Джвари...

«Знакомый Грибоедова Д. Бебутов (Бебуташвили) вспоминает, что в Тбилиси в 1819 г. Грибоедов читал ему свои стихи, в том числе отрывок из тогда еще незавершенного «Горя от ума». Сразу после трагической гибели Грибоедова Ф. Булгарин оставляет такую запись: «В 1821 г. Александр Грибоедов в Персии увидел сон, будто он в кругу друзей излагает план уже написанной комедии. Проснувшись, он сразу же записал этот план комедии «Горе уму» и сочинил к тому же несколько сцен из I действия». Заканчивается этот

▲ Мцхета

мемуар такими словами: «Комедия сия заняла все его досуги, и он окончил ее в Тифлисе, в 1822 г.».

В записке С. Бегичева А. Жандру находим следующие сведения: «Грибоедов начал работать над комедией в Персии (следовательно, не позднее 1819 г., в Грузии написано второе действие, а остальные действия – в моей деревне в Ефремовке». А вот свидетельство К. Полевого: «В Тифлисе была написана им вся комедия «Горе от ума», но написана, так сказать, вчерне, потому что по приезде в Москву он почти совершенно переделал ее и написал многие сцены вновь». В. Кюхельбекер передает следующую информацию: «Грибоедов писал «Горе от ума» почти при мне, по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление, непосредственно после того, как оно было написано». «Самая лучшая драгоценность в Сачхере – это подлинная рукопись А.С. Грибоедова, его бессмертная комедия «Горе от ума» в библиотеке князя Александра Церетели», – свидетельствует Рафизл Эристави.

И, наконец, «сопоставив все дошедшие до нас данные, вернее будет предположить, что до конца 1820 года у Грибоедова сложился лишь замысел «Горя от ума». В ноябре 1820 г., в Тавризе, этот замысел, вероятно... приобрел твердые окончательные очертания. К непосредственному выполнению замысла, во всем его объеме, Грибоедов приступил, скорее всего, в начале 1822 г., в Тифлисе», – подводит итоги Вл. Орлов.

▲ Фаддей Булгарин

Живет Грибоедов скромно, домашний кров покидает редко. Ходит, одетый в длинный архалух (кафтан). У него и два «второстепенных» занятия, кроме главного – работы над «Горем от ума». Это – музицирование на фортепиано, купленном у командира Эриванского полка Николая Муравьева, впоследствии царского наместника на Кавказе. Это было второе фортепьяно в Тифлисе, первое стояло в салоне князя Александра Чавчавадзе, одного из просвещеннейших людей своего времени, которому предстояло, как известно, сыграть немаловажную роль в жизни и судьбе Александра Грибоедова.

Еще одно занятие – работа над усовершенствованием своего фар-

си. Правда, «усовершенствование» громко сказано – ведь за неимением хорошего руководителя Грибоедов вынужден был ходить к известному всему Тифлису банщику Машади, которого русские прозвали Иван Ивановичем. С Машади было связано множество забавных историй – передавалась из уст в уста, например, его фраза: «Хорош чалавек Искандар Грибоед – на базар ходыл, гус покупал, перо доставал, стихи писал».

Нельзя, однако, сказать, что Грибоедов жил совершеннейшим затворником – он был принят во всех знатных семействах как друг дома. Чаще всего навещал Александр Сергеевич генеральшу Ахвердову, урожденную Арсеньеву, женщину

▼ Нина Чавчавадзе

▲ Прасковья Ахвердова

весьма умную и хорошо образованную.

Отец Нины, видный поэт, основоположник грузинского романтизма, Александр Чавчавадзе, родился в Петербурге. Мастер философской и интимной лирики, он первым в грузинской литературе XIX в. затронул социальную тему, с негодованием писал о порабощении человека человеком, болезненно переживал потерю национальной независимости Грузии, но призывал к сближению с передовой частью русского общества, понимая, что иначе Грузия будет поглощена чуждым ей по вере и мировоззрению Востоком. Чавчавадзе известен также как один из первых переводчиков на грузинский язык произведений Пушкина, Вольтера, Корнеля, Расина, Гюго.

Так что будущим зятю и тестю было о чем поговорить в стенах тбилисского салона, где он встречался и беседовал, в частности, с Николозом Бараташвили и Григолом Орбелиани. Трудно только сказать, насколько тесно пересекались по-

литические взгляды ближайших родственников... Дом в Тбилиси был культурным центром, литературным салоном, где собирались грузинские и русские писатели и где разгорелся роман Грибоедова и Нины, учившейся музыке у Александра Сергеевича.

Трудно отыскать достоверные свидетельства многих сокровенных деталей этого романа. Но одно из них, самое, быть может, драгоценное, увековечил сам Грибоедов в дошедшем до нас письме Ф. Булгарину, посланном с турецкой границы 24 июля 1828 года:

«В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Ниночки Чавчавадзевой... все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: (по-французски – В.С.) «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам». Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я усажу ее за фортепьяно, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера

к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и родных...».

А менее месяца спустя они уже стояли под венцом.

Позволю поделиться своим наблюдением – не согласится ли читатель, что описанная счастливым женихом сцена, по духу, поведению ее «героев» и даже по «интерьеру декораций», отчасти напоминает сцену первого признания Наташи Ростовой, одну из самых трепетных и трогательных в мировой литературе? Как знать, не был ли Лев Николаевич Толстой знаком с этим письмом, не использовал ли его настроение в этом эпизоде своего великого романа?

Вчитаемся, вдумаемся внимательнее в эти строки... «Щеки у меня загорелись... Я начал что-то бормотать... Дыханье занялось... Она заплакала, засмеялась...». Не правда ли, так ведут себя дети, невинные, чистые мыслями, сердцем и душою? А ведь речь идет об искуснейшем дипломате, повергавшем в замешательство лучших соперников на полях политических переговоров, по окончании русско-персидской войны сыгравшем решающую роль в выработке весьма выгодного для России Туркманчайского мирного договора, блестящем поэте и музыканте.

Молодые получили благословение на бракосочетание от князя Александра Гарсевановича. Нине в то время шел 16-й год. Пытаясь дать хоть какое-то представление о ее внешности, Грибоедов писал В.С. Миклашевич: «Полюбите

▲ Памятник Михаилу Воронцову

мою Ниночку. Хотите ее знать? В Malmaison, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть Богородица в виде пастушки Murillo, вот она». Не удивительно, что Нина Чавчавадзе привлекала всеобщее внимание. По словам Н. Муравьева-Карского, «Нина была отменно хороших правил, добра сердцем, прекрасна собою, веселого нрава». «Нина Чавчавадзе очень хороша», – писал Н. Киселев. «Она... была восхитительна и могла быть признана красавицей... в Петербурге, – писал К. Аделунг. – она несколько похожа на мадам Поттенполь, но гораздо красивей». По словам дипломата К. Бодэ, в Тбилиси он «имел случай короче оценить прелесть души этой редкой женщины». По словам Д. Эристави,

«Нина Александровна Чавчавадзе была одно из прелестнейших созданий того времени: красавица собою, с редким умом, она безусловно завоевывала симпатии всех, кто только был с нею знаком. Все, кто только ее знал, люди самых различных слоев, понятий, мнений, сходятся в одном, что это была идеальная женщина. Не было мало-мальски выдающегося поэта, который не посвятил ей несколько стихотворений».

Но, как говорится, «делу время, потехе – час». В первые дни бракосочетания Александра и Нины светская хроника «Тифлиссских ведомостей» извещала:

«...1-й бал, или, лучше сказать, обед с танцами дан был 24-го августа нашим полномочным министром

▲ Танец грузинских аристократок

в Персии А.С. Грибоедовым по случаю бракосочетания его с княжной Н.А. Чавчавадзе, а 2-й великолепный бал был у г. тифлисского военного губернатора, генерал-адъютанта Н.М. Сипягина 26-го августа. В превосходно освещенные и отлично убранные комнаты, занимаемые его превосходительством, вход был через стеклянную галерею, украшенную на сей раз деревьями и цветами. Звук труб возвещал о приходе гостей, которые встречаемы были назначенными для сего чиновниками, а дамы – самим хозяином. Когда все гости съехались, то бал начался блестящим фейерверком, сожженным против дома его превосходитель-

ства на прекрасной Александровской площади, устроенной во время управления здешним краем его превосходительством Н.М. Сипягиным.

После фейерверка начались танцы. Польские экосезы, вальсы, кадрили попеременно занимали гостей. Наконец все умолкло, и внимание присутствующих было обращено на квартет, разыгранный тифлисскими виртуозами с искусством удовлетворительным для самых строгих знатоков музыки.

По окончании квартета снова закипели танцы. Прелестные грузинки в национальных костюмах, под звуки страстной мелодии, танцевали

▲ Георгий Эристави

грузинский танец, называемый лезгинкой. Прелестные телодвижения и ловкость, оказанная в сем танце красавицами Востока заставили позабыть каждого зрителя наш резвый котильон и мазурку. Превосходный ужин закончился в 3 часа, но с ним не кончилась веселость гостей, и светозарное солнце уже блистало на высотах Кавказа, когда окончилось попури, а с ним и бал...».

Но все это торжество было омрачено крайне неприятным эпизодом. История умалчивает – узнал ли об этом безобразии Грибоедов, но как бы там ни было, на сиягинский парадный ужин и бал с фейерверком попали не все его друзья. Приглашенный на торжество Георгий Эристави явился в назначенное время в грузинской национальной одежде. Не успел он ступить на дворцовую лестницу, как к своему изумлению и негодованию был схвачен за полухахи караульным полицейским, ко-

торый запретил ему вход в залу в «подобном облачении». Столь неожиданное и из ряда вон выходящее оскорбление возмутило гордого князя, который посчитал унижительным подчиниться и переодеться, чтобы присутствовать на празднике своего русского друга. Именно подобное высокомерие и имперская спесь, забвение мудрого правила «люби свою культуру и уважай чужую», и приводили к досадным несуразицам и, мягко говоря, недопониманию между представителями двух соседних православных народов. А ведь как легко было бы избежать подобных неурядиц! Но факт остался фактом: дурацкое распоряжение властей помешало основоположнику грузинской реалистической драматургии Георгию Эристави присутствовать на семейном торжестве своего русского друга, который с

▼ Иван Паскевич

большим вниманием относился к грузинскому писателю и одобрил его литературные замыслы.

«Свадебный банкет состоялся во Дворце царского наместника на Кавказе. Подобная роскошь полагалась Грибоевду по рангу — как министру царя и статскому советнику. К тому же двоюродная сестра жена была женой царского наместника.

Устраивал прием лично генерал Иван Паскевич, пригласивший не одну сотню гостей. Не было среди почтенной публики лишь одного человека — отца невесты. Генерал Чавчавадзе проигнорировал приглашение и не явился на свадьбу дочери... Многие решили, что таким образом грузинский князь продемонстрировал свое отношение и к зятю, и к

▼ Вильгельм Кюхельбекер

политике его государя. Впрочем, все это ни в коей мере не помешало грандиозному торжеству состояться», — пишет литератор Нина Ершова в эссе «Две мадонны».

Вот сведения из «Википедии» об организаторе этого приема генерале Паскевиче:

«Русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Один из четырех полных кавалеров ордена Св. Георгия... В браке с Елизаветой Алексеевной Грибоедовой (1791-1856), дочерью московского богача Алексея Федоровича Грибоедова и княжны Александры Сергеевны Одоевской Паскевич имел трех дочерей и сына... Сослуживец Николая I (в 1817-1819 годах), входил в число его доверенных лиц. Бытовало мнение, что в качестве члена Верховного суда по делу декабристов смог оградить от преследования своего родственника А.С. Грибоедова, уж слишком ретиво заступавшегося за своих друзей-бунтовщиков, несмотря на разность политических взглядов.

В правление Николая руководил крупной операцией в Восточной Армении и взятием Тебриза (за что удостоен был почетного титула графа Эриванского), а также подавлением Ноябрьского восстания в Польше (за что удостоен титула светлейшего князя Варшавского). Главнокомандующий на Кавказе (1827-1829), наместник Царства Польского (1832-1856), председатель департамента Дел Царства Польского Государственного совета, член Комитета министров. После подписания Адриа-

нопольского мира (1829) получил фельдмаршальский жезл».

Странной выглядит попытка советского литературоведения зачислить державника и «ермоловца» Александра Сергеевича Грибоедова в ряды декабристов. Тем не менее, верно следуя идеологическим установкам партии и правительства, соцреалистический литературовед М.В. Нечкина в своих толстенных монографиях («Грибоедов и декабристы». М., 1951 и др.) проводит эту мысль в тональности, не допускающей возражений. Следуя прискорбным «правилам игры», обыгрывает тезис о «декабризме» Грибоедова и Ваню Шадури. «Приток опальных русских литераторов в Грузию особенно усилился с 1818 г. Я имею в виду великого русского писателя А.С. Грибоедова, одного из виднейших представителей декабристской поэзии В.К. Кюхельбекера, поэта-бунтаря А.А. Шишкова, декабриста А.И. Якубовича и других прогрессивных деятелей эпохи. В центре этой группы стоял, как выясняется, Александр Сергеевич Грибоедов. Именно он был... центром притяжения прогрессивно мыслящих людей».

Глубокое и основательно аргументированное рассуждение по поводу «анти-декабризма» Грибоедова встречаем у И. Багратион-Мухранели:

«В самый разгар работы над комедией, сломав руку, Грибоедов приезжает в Тифлис и находится там в течение шестнадцати месяцев. В это время Канцелярия Главноуправляющего Грузии Ермолова была

занята переводом на русский язык грузинских законов. Грибоедов... занимается проблемами внешних сношений. В то время Особая комиссия под руководством одного из братьев Чилашвили, Егора Чиляева, который был прокурором Верховного грузинского правительства работала над переводом «Уложения» Вахтанга VI. Окончив Горный корпус, Чиляев служил в Финляндском лейб-гвардии полку, был членом масонской ложи Лабзина «Умиравший сфинкс»... а после ее закрытия переехал в Тифлис. Он был не только талантливым правоведом... но, как и Грибоедов, переводчиком пьес. Интересовался также историей... Впоследствии, уже при Паскевиче, в 1828 году Грибоедов просил за Чиляева нового Главноуправляющего. Следовательно, отношения были достаточно короткими, благодаря чему, с нашей точки зрения, Егор Чиляев мог быть тем человеком, который расширил представления Грибоедова о политической структуре и истории Грузии. Не будет натяжкой предположить, что Грибоедов знал о существовании законов Вахтанга VI и книгах его воспитателя, выдающегося грузинского прозаика и дипломата Сулхан-Саба Орбелиани, по крайней мере, по названию. Грибоедова интересовали проблемы национальной самобытности, они были тесно связаны с общими проблемами русской государственности.

Российская империя была не только пестра по национальному составу. Присоединившиеся к ее территории новые земли обладали сво-

еобразной политической структурой, но дальнейшее развитие этих форм почти не предполагалось. Идея федерации – по аналогии со Швейцарией или Соединенными Штатами – находила очень немногих сторонников, преимущественно среди наиболее радикального крыла декабристского движения.

Грибоедов не из их числа. Его радикализм – государственного происхождения, хотя в письмах при сопоставлении России и Персии проскальзывает порицание народов, «которые не добыли себе конституции» (письмо Бегичеву от 13 февраля 1819 года). Убеждение в оппозиционности автора проникло в сознание последующих зрителей-читателей в связи с запрещением комедии и дальнейшей судьбой ее текста. На самом же деле у Грибоедова в качестве арбитра, способного оздоровить Россию, преодолеть низкопоклонство екатерининских вельмож, выступает государь, самодержец: «Хоть есть охотники поподличать везде,/ Да ныне смех срамит и держит их в узде;/ Недаром жалуют их скупо государи».

Не следует переоценивать радикализма Грибоедова или назначать ему не свойственные автору «Горя от ума» социальные роли, например, «Грибоедов-декабрист», на том лишь основании, что он ярко изобразил этот психологический тип и критиковал фамусовское общество. Такие представления, утвердившиеся в школьно-массовом общественном сознании, столь же парадоксальны, как если бы кто-нибудь решил счи-

тать, например, Константина Леонтьева за резкость и радикализм высказываний революционным демократом – логика и тут, и там одна: талант обязан пребывать исключительно «на передовых рубежах эпохи». С этими представлениями мужественно полемизировали крупнейшие специалисты, как филологи, так и историки. В 1987 году «Горе от ума» вышло вторым изданием в серии «Литературные памятники» с комментариями Н.К. Пиксанова – редактора трехтомного собрания сочинений Грибоедова, знатока его текстов и последовательного противника мифов о Грибоедове.

Пущенная в оборот в 1947-1951 годах, в духе времени, концепция «Грибоедов-декабрист» основана на умолчании и грубом перетолковывании фактов. Скептические суждения автора «Горя от ума» («Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России»; «Я говорил, что они – дураки») толкуются Нечкиной как осуждение тактики военной революции, за которым последовало нащупывание новой, более прогрессивной тактики – революции народной.

Н.К. Пиксанов и историк декабризма академик Н.М. Дружинин многие годы вскрывали несостоятельность взглядов М.В. Нечкиной, получивших широкое распространение и имевших вид научной деятельности, поскольку в ее книге «Грибоедов и декабристы» содержится большое количество архивных сведений, посторонних по отношению к концепции. Пиксанов указывает,

что Нечкина обходит молчанием отношение Грибоедова к вооруженному бунту крепостных в имени его матери, продолжавшемуся три года и имевшему огласку; тенденциозно освещает проект Закавказской компании, где по замыслу Грибоедова переселенные из Центральной России крестьяне должны были бы трудиться на плантациях в течение 50 лет.

Между тем, еще во время работы Грибоедова над «Горем от ума» Егор Чиляев составил проект «О дозволении крестьянам Грузии платить самим за себя состоявшуюся по торгам и переторжке цену». В 1824 году этот проект был утвержден Государственным Советом, и крестьянам было разрешено выкупаться, когда за долги помещичье имение продавалось с торгов. «... Выкупившиеся таким образом крестьяне приобретали личную свободу и право собственности на землю, на коей были поселены, и вступали в число свободных хлебопашцев (Каландадзе Ц. Обращаясь к истокам// Литературная Грузия, 1982, №10, с. 182). Грибоедов разрабатывает проект Закавказской компании по образцу Русско-американской и Ост-Индской компаний...».

С декабристами Грибоедов действительно общался, но только как с друзьями-приятелями, без всякой политической подоплеки. С тем же Кюхельбекером, (прозванным Хлебопекарем (из конспекта лекций В. Шадури). Даже Пушкин, еще один «дутый» советской идеологией «декабрист», по-видимому, более сим-

патизировал их идейным позициям. Мне доводилось писать о тифлиских собраниях декабристов. Грибоедова мемуаристы не вспоминают в числе участников собраний. Даже говоря о домашних концертах, упоминают графа Давьера, но не Грибоедова.

В Иране решительная и успешно проводившаяся в жизнь позиция Грибоедова вызвала серьезные опасения агентов английской дипломатии и тегеранских властей, невыгодными условиями мирного договора с Россией. Отсюда берет свое начало искусно подстроенная интрига, приведшая, при попустительстве шахского правительства, к штурму русской миссии разъяренной толпой фанатиков, во время которого, после отчаянной схватки, Грибоедов был убит.

«Однажды поутру Завелейский приехал ко мне и с большим смущением объявил мне в тайне, что из Персии получено известие, что Грибоедов убит в народном возмущении. Он показывал заботу, как довести известие сие до сведения Прасковьи Николаевны и семейства Чавчавадзевых. Первой не было дома; по возвращении ей объявили о смерти Грибоедова, и так как она к нему в особенности благоволила, то и огорчилась сим известием и несколько времени плакала. От Чавчавадзевых долго скрывали сие известие; но как оно уже делалось гласным во всем городе, то Прасковья Николаевна рассудила за лучшее объявить о сем матери и бабке Нины, дабы предупредить

неосторожное и внезапное объявление сего родственниками, грузинами, которые по нескромности своей могли сие сделать не вовремя и не впору и через сие испугать женщин и наделать новой тревоги: ибо они Нину любили без памяти и, не имея настоящих сведений о положении ее в Персии, стали бы весьма беспокоиться. Объявление Прасковьи Николаевны произвело много хлопот; слезы, вопли, стоны не умолкали в соседстве нашем, их было слышно из нашего дома; но к сему случаю были припасены лекарства и все нужные средства, и последствий никаких не было. Мать Нины, княгиня Саломе, билась, кричала и с нетерпением переносила скорбь свою; но старуха княгиня Чавчавадзе проливала в тишине слезы, и горесть ее изъяслялась молчанием и задумчивостью. Женщина сия была почтенная и всеми уважена.

Засим желали иметь подробнейшие известия о смерти Грибоедова, но никто их не мог дать. Говорили, что приехал курьер, передавший бумагу, в коей было написано, что он убит или умерщвлен злодейски в Тегеране, в народном смятении, со всем посольством своим, и что спасся только один чиновник Мальцов. Между тем Нина оставалась в Тавризе; она была беременная, молодая женщина, едва супругою взятая из дома родительского и оставшаяся одна среди народа безнравственного, разъяренного. Сие могло точно всех беспокоить, и положение ее было истинно бедственное. Отец ее был окружным начальником в Эри-

вани; он, кажется, просился ехать в Персию, дабы вывезти дочь свою, но ему было дозволено ехать только до границы. Кажется, при Нине оставался двоюродный ее брат Роман Чавчавадзе; или, по крайней мере, он скоро приехал к ней, и, сколько было у него сил, он старался ей помочь, заступая в то время место покровителя ее, и дело об убиении ее мужа было от нее скрыто до самого возвращения ее в Тифлис», – вспоминает Николай Муравьев-Карский.

У него же: «Теперь должен я изложить, с известными мне подробностями, обстоятельства смерти Грибоедова, о коей столько говорят и имеются различные мнения. Иные утверждают, что он сам был виною своей смерти, что он не умел вести дел своих, что он через сие происшествие, причиненное совершенным отступлением от правил, предписанных министерством, поставил нас снова в неприятные сношения с Персиею. Другие говорят, что он подал повод к возмущению через свое сластолюбие к женщинам. Наконец, иные ставят сему причиною слугу его Александра... Все же соглашаются с мнением, что Грибоедов, с редкими правилами и способностями, был не на своем месте, и сие последнее...»

Нина Грибоедова была в Тавризе и беременная во время сего происшествия, которое от нее скрыли. Двоюродный брат ее Роман Чавчавадзе, по совету англичан, пребывающих в Тавризе, из коих поверенный в делах имел весьма умную и приятную жену, перевез ее к ним в

дом. Мера сия была тем нужнее, что в Тавризe оказывалось беспокояство в народе, в коем воспрянула придавленная злоба к русским по получении известия о случившемся в Тегеране. Не менее того Аббас-Мирза старался показать большое огорчение и даже наложил на несколько дней траур.

Нину уверяли, что ее перевезли к англичанам по воле мужа ее, которого дела задерживают на некоторое время еще в Тегеране; наконец, когда списались с Тифлисом, ей сказали, что ее везут в Тифлис, также по воле мужа ее, который ее в дороге нагонит. Верила ли сему несчастная вдова, того не знаю; но не полагаю, ибо она не получала от мужа писем. Ее привезли с большою опасностью до границ наших, где ее, кажется, встретил отец и привез в Тифлис. Ее остановили в карантине, куда к ней ездили для свидания родственники. Она была молчалива, мало упоминала в речах о муже и, казалось, догадывалась об участи своей.

Но Нина претерпела все сии бедствия в состоянии беременности, коей было уже 7 или 8 месяцев, когда Прасковья Николаевна, опасаясь, дабы до нее дошло известие о гибели мужа стороннею дорогою и с неосторожностью, решилась объявить ей о сем. Нина не металась в отчаянии; она плакала, но тихо и скрывала грусть свою. Печаль же на нее столько подействовала, что она чрез несколько дней после того выкинула еще живого ребенка, который через несколько часов умер. Тут стали обвинять в

сем Прасковью Николаевну, коей участие и принятое на себя звание возвестительницы столь печального происшествия могли только честь делать; ибо подобные порученности бывают самые неприятные. В число обвинителей замешался и Мартинонго, человек, которого она всегда отличала; он находил, что ребенок мог жить и что он умер от нераспорядительности Прасковьи Николаевны. Сие произвело несколько разговора в городе, но тем и кончилось.

Правительство наше требовало выдачи тела Грибоедова, дабы похоронить оное с честью. То ли самое тело, или другое какое-либо, было привезено в Тифлис? Открывавшие гроб в Джелал-Оглинском карантине говорили мне, что оно было очень обезображено, порублено во многих местах и, кажется, без одной руки; но сие уже было летом следующего, 1829 года. Труп сей похоронили с надлежащею почестью у монастыря Святого Давыда, построенного на горе за домом нашим. Вдова и все родственники ее, а также и наши, провожали гроб; многочисленная толпа тифлисских жителей, собравшаяся без приглашения, следовала за печальным шествием. Там построили арку, которая видна из всего города. Грибоедов любил картинное место сие и часто говорил, что ему там бы хотелось быть похоронену.

Нина осталась печальна, скрывала грусть свою и тем более всеяла к себе участия. Завелейский> искал руки ее; но он заблуждался, когда надеялся, что добродетельная Нина могла выйти за него замуж».

▲ **Екатерина Чавчавадзе**

Нина Чавчавадзе, не по летам духовно богатая личность, о которой современники свидетельствуют: «Она очень любезна, очень красива и прекрасно образованна», осталась вдовой в свои неполные семнадцать лет. Под сердцем носила она тогда сына Грибоедова. В письме к жене персидского посланника в Персии г-же Макдональд сохранилось щемящее сердце свидетельство юной вдовы об этих, самых печальных днях ее недолгой жизни:

«Через несколько дней, после моего приезда (из Тавриза), тяжелых дней, проведенных в борьбе с тоской, охватившей меня, в борьбе с неясной тревогой и мрачными предчувствиями, все более раздирав-

шими меня, было решено, что лучше сразу сорвать покрывало, чем скрывать от меня ужасную правду. Свыше моих сил пересказать вам все, что я перенесла; я взываю к вашему сердцу любящей супруги, чтобы вы могли оценить мою скорбь, я уверена, что вы поймете меня: мое здоровье не могло противостоять этому ужасному удару. Переворот, происшедший во всем моем существе, приблизил минуту моего избавления. Опустошенная душевными страданиями более, чем страданиями физическими, лишь через несколько дней я смогла принять новый удар, который готовила мне судьба: мой бедный ребенок прожил только час, а потом соединился со своим несчастным отцом – в мире, где, я надеюсь, будут оценены их достоинства и их жестокие страдания. Однако его успели окрестить,

▼ **Имам Шамиль**

▲ **Яков Полонский**

ему дали имя Александр в честь его бедного отца».

«Мария Сергеевна Дурново (сестра А.С. Грибоедова) и Нина Александровна Грибоедова с душевным прискорбием извещают, первая о кончине брата, а вторая мужа своего, статского советника А.С. Грибоедова, после которого состоят они единственными наследницами, почему просят покорно всех тех, кому покойный или кто ему остался должен, явиться с законными документами Тульской губернии в город Чернь», – такое объявление появилось на страницах «Московских ведомостей» 4 марта 1831 года.

«Грибоедов не оставил после себя состояния, так как все его иму-

щество и банковые билеты были разграблены в Тегеране, – пишет кавказовед и археограф Альфред Берже. – Ввиду как этого обстоятельства, так, главным образом, теплого участия императора Николая к положению овдовевшей, а также ходатайства графа Паскевича, Нине Александровне было назначено единовременное пособие в 30 тысяч рублей ассигнациями и ежегодная пенсия в 5 тысяч рублей ассигнациями. В 1849 году, по ходатайству светлейшего князя М.С. Воронцова, пенсия эта была увеличена на 570 рублей 50 копеек, так что с этого времени Нина Александровна вместо прежних 5 тысяч рублей ассигнациями получала в год по 2 тысячи рублей серебром.

Оставшись вдовой, Нина Алек-

▼ **Василий Демут-Малиновский**

сандровна жила в доме отца, а после его смерти в 1846 году, то в Зугдиде, у сестры княгини Екатерины Александровны Давиани, то в Цинандалах, у брата Давида Александровича. В 1854 году, во время вторжения Шамиля в Кахетию, она, благодаря своему отсутствию в Мингрелии, избегла участи семьи брата и других близких родственников, увлеченных в плен и впоследствии выкупленных».

Нина Александровна прожила после этой трагедии еще 28 лет, скончалась в 1857 году, и не помышляя никогда о повторном устройстве своей личной жизни, хотя красавица княжна, несомненно, не испытывала недостатка в воздыхателях, впрочем, не смевших выражать свои чувства открыто – слишком уж тяжел и непроницаем был флер трагедии, окутавший некогда счастливый и полный радужных надежд дом тбилисского князя Александра Чавчавадзе.

«Наше Тифлисское общество понесло значительную потерю. В прошлую пятницу, июня 28, после краткой болезни скончалась Нина Александровна Грибоедова, урожденная Чавчавадзе. Отпевание тела ее происходило в Кашветской Георгиевской церкви, при стечении всех уважавших прекрасную личность покойной, бывшей всегда украшением лучших тифлисских салонов и столь рано похищенной смертью из их круга. Тело ее отнесено на руках в монастырь св. Давида и положено в одном склепе, рядом с супругом», – такой некролог был опубликован в

газете «Кавказ» 4 июля 1857 года.

Супруги похоронены в гроте на священной для грузин горе Мтацминда, под церковью святого Давида. На надгробном памятнике выбиты известные всей просвещенной Европе слова Нины Грибоедовой: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской... Но для чего пережила тебя любовь моя?». Из книги Раисы Слободчиковой «Не родись красивой... или Заложницы судьбы»: «Любовь Грибоедова и Нины Чавчавадзе вдохновила писателей на создание многих прекрасных произведений. Но, пожалуй, самое первое, сильное и глубоко поэтическое творение принадлежит самой Нине Чавчавадзе. И написано оно не на бумаге. Высоко, на горе Мтацминда воздвигла она замечательный по замыслу и выполнению памятник – превосходное произведение искусства, рассказывающее о трагически оборванной любви... Как много смысла в этой лаконичной надписи на мраморном памятнике Грибоедову! И какое неутешное горе олицетворяет вылитая из бронзы фигура коленапреклоненной рыдающей женщины! Выполняя желание мужа о погребении на Мтацминде, которую он называл самым поэтическим местом Тифлиса, Нина Чавчавадзе вложила в памятник всю свою душу, словно желая оживить камень и металл».

Но мало кому ведомо, что на северной стороне грота есть еще одна надпись: «Незабвенному, его Нина». Эта великая любовь вдохновила долгое время жившего в Тифлисе

русского поэта Якова Полонского на стихотворение, по духу – романтическую балладу. В ней есть такие строки: «И положила я его/ На той скале, где спит/ Семья гробниц и где святой/ Давид их сторожит/... Там, в темном гроте – мавзолей,/ И – скромный дар вдовы –/ Лампадка светит в полутьме,/ Чтоб прочитали вы/ Ту надпись и чтоб вам она/ Напомнила сама –/ Два горя: горе от любви/ И горе от ума».

Похороны Грибоедова вылились в никем не спланированную и не объявленную манифестацию народной скорби. Гроб несли на руках от Сионского кафедрального собора до грота на Мтацминда – места захоронения Александра Сергеевича Грибоедова.

История создания надгробного памятника А.С. Грибоедову заслуживает отдельного рассказа. Идея памятника также принадлежит Нине Грибоедовой. Идею эту столь удачно воплотил известный русский скульптор В. Демут-Малиновский в петербургской мастерской знаменитого итальянца С. Кампиони. Нина ассигновала очень крупную по тому времени сумму денег на изготовление и транспортировку памятника в Тбилиси. 5 июля 1831 года она подала экзарху Грузии (митрополиту Ионе (Василевскому – В.С.) прошение:

«Вскоре после предания земле бранных останков покойного супруга моего, статского советника Александра Сергеевича Грибоедова, сделано было мною распоряжение о сооружении на могиле его памятника, окончательное исполнение

чего замедлилось по отдаленности здешнего края от С.-Петербурга, где мавзолеем заказано сделать и откуда он должен быть сюда доставлен.

Между тем, видя, что основание церкви св. Давида, у которого находится могила Александра Сергеевича, грозит падением и сама, по ветхости своей, не может долго сохраниться и не представляет средств к поддержанию своему, желая, с другой стороны, более ознаменовать память к покойному, который и при жизни изъявлял желание в случае кончины быть похороненным в монастыре св. Давида..., одушевленная сим самым чувством, приняла я намерение согласить к тому и сестру Александра Сергеевича г-жу Дурнову перестроить вновь церковь св. Давида, – о чем доводя до сведения Вашего, высокопреосвященнейший владыко, имею честь представить у сего план и фасад предполагаемой

▼ Алмаз «Шах»

вновь церкви на месте нынешней, до основания разобратья долженствующей, с прошением на сие благоволения и одобрения Вашего высокопреосвященства удостоить меня милостивым Вашим отзывом. Нина Грибоедова Июля 5 дня 1831 года, Тифлис».

На это прошение «духовное начальство» ответило отказом.

Прошло некоторое время, обстоятельства изменились, и Нина Александровна Грибоедова, стесненная в средствах, но продолжавшая добиваться разрешения на установку памятника, обратилась за содействием к гражданскому губернатору Н.И. Палавандову (Палавандишвили). Она писала ему 23 января 1833 года:

«...Хотя прежде я имела намерение возобновить всю Мтацминдскую церковь св. Давида на свой счет, но как предположение сие не было утверждено в свое время духовным начальством, то и в имевшихся у меня к тому времени средствах последовала значительная перемена, и я не только воздвигнуть новую церковь, но и исправить вполне старую не имею уже возможности. Посему я ныне принуждена ограничиться сооружением только памятника над прахом покойного мужа моего, статского советника Грибоедова, на что и покорнейше прошу Ваше сиятельство испросить мне благоволение высокопреосвященного экзарха Грузии».

Высшее духовенство продолжало упорствовать, мотивируя свой отказ тем, что церковь стоит на скло-

не, и тяжелый памятник, устанавливаемый у ее основания, может повредить ей. Экзарх требовал от Нины Грибоедовой построить новую церковь внизу. Безутешная вдова вынуждена была снова обратиться к Палавандову. Она писала ему:

«Употребив значительную сумму на сооружение памятника, я не могу теперь исполнить прежнее намерение мое о перестройке Мтацминдской церкви; но я не полагаю, чтобы сие могло быть одною из причин устранить там памятник. Что же касается до опасения его высокопреосвященства, чтобы тяжестью не ускорить разрушение церкви, то предназначаемый памятник не столь огромен, чтобы он мог сие причинить. Во всяком случае, Ваше сиятельство изволите одолжить меня, приказав архитектору или кому-либо из инженерных офицеров освидетельствовать место сие, дабы удостовериться, может ли быть в сем случае какая-либо опасность. Как памятник сей находится уже в пути, то я покорнейше прошу Ваше сиятельство испросить разрешения его высокопреосвященства поставить оный при Мтацминдской церкви».

По настоянию Нины Чавчавадзе светские и церковные власти в конце концов выделили специалистов для обследования местности. И лишь в июле 1833 года, после того, как обследование показало полную несостоятельность доводов «духовного начальства», экзарх Грузии вынужден был разрешить установить памятник Грибоедову на Мтацминда.

Пережитые Н.А. Грибоедовой в связи с установлением надгробного памятника волнения показали еще одну привлекательную черту в облике славной дочери грузинского народа. В самые горестные для нее дни она нашла в себе силы преодолеть все чинимые ей препятствия и воздвигнуть на Мтацминда замечательный памятник – символ ее поэтической и трагической любви к великому сыну русского народа».

Персидская дипломатия «откупилась» от гнева русского царского двора витиеватыми извинениями, уверениями, что всему виной – несчастное стечение обстоятельств, и роскошным подарком – знаменитым алмазом «Шах» (88,5 каратов), который был преподнесен главой купительной миссии на приеме у императора Николая I 12 августа 1829 г. в Зимнем дворце. Царское правительство, занятое войной с Турцией, посчитало возможным свести тегеранские события к случайности и, более того, часть долгов Персии простить, а часть – отсрочить.

Но подаренный персидской миссией алмаз не был столь чист и прозрачен, как тот его образ, с которым мы сравнили бы любовь Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Не случайно замечено, что мир, в который мы верим, создают поэты и художники, а не политики. Всего лишь за год с небольшим до этого «искупительного» дня стояли они друг перед другом, уединившиеся украдкой от «взрослых», смущенные, пылающие от волнения дети, в которых было столько глубины и духовности,

что даже не хочется проецировать подобную сцену на наши времена, в среду тинейджеров, в которых полностью атрофировано чувство любовного трепета, и которые решают свои проблемы легко и зачастую цинично, не осознавая, сколь бедны их души и нищ интеллект.

И как знать, если бы не эта великая любовь, появилось бы на свет во всем своем блеске и зрелости одно из величайших творений русской и мировой драматургии – «Горе от ума». Еще при жизни Нины Александровны, и, скорее всего, не без ее участия, в Тифлисе в 1853 г. был издан перевод «Горя от ума» кандидата московского университета Григория Цинамзгварова.

Нина Александровна до конца дней своих пыталась преодолеть цензурные барьеры, стоявшие на пути «Горя от ума» к широкому зрителю. Она с сестрой Грибоедова М. Дурново оформили свои права в качестве единственных наследников поэта и представили в Московский цензурный комитет рукопись на 63 листах, но цензор проф. Л. Цветаев вошел в историю таким вот курьезным ответом: «...нашел, что в 1-м и 2-м явлениях первого действия представляется благородная девушка, проведшая с холостым мужчиною целую ночь в своей спальне и выходящая из оной без всякого стыда, а в 11-м и 12-м явлениях четвертого действия та же девушка присылает к себе после полуночи горничную свою звать того же мужчину к себе на ночь и сама же выходит его встречать; находя сии действия про-

тивными благопристойности и нравственности, одобрить сей рукописи к печатанию не могу...».

Грузинские «следы» рукописи «Горя от ума» существуют, и они зафиксированы. Так, тбилисский литератор И. Еникополов пишет, что подлинная рукопись, отразившая эту работу, погибла вместе с автором в Тегеране. В силу этих соображений Еникополов склонен ценить прежде всего авторизованные рукописи, хранившиеся у кавказских друзей и родственников Грибоедова, и в качестве достоверного источника «Горя от ума» указывает список, принадлежавший его деду, М. Ениколову, знавшему Грибоедова лично.

А сколько неосуществленных замыслов «искупил» персидский алмаз? Достаточно вспомнить о трагедии «Грузинская ночь», дошедшей до нас в отрывках. «В последнее

свое пребывание в Грузии он сочинил план трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь», почерпнул предмет одной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин», – пишет Ф. Булгарин, излагая далее ее содержание и говоря в заключение: «Трагедия она... составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы».

Но трагедия эта не родилась и уже никогда не родится. Не выжил и не продолжил славный род Грибоедовых-Чавчавадзе младенец Александр, единственный наследник умнейшего и талантливейшего Александра Сергеевича. Осталась – память. И в утешение – вера в то, что души их воистину воссоединились, там, в бескрайних и бесконечных просторах «любви, что движет солнце и светила».

Удельный вес грузинских мотивов в художественном творчестве Грибоедова огромен. И это касается не только главного произведения Александра Сергеевича, к разговору о котором в означенном ракурсе мы еще вернемся, но и других, менее известных читательской аудитории: «Там, где вьется Алазань»; «Кальянчи»; «Грузинская ночь»; «Радамист и Зенобия»... А сколько еще стихотворений, набросков, замыслов погибло в архиве, во время разгрома российской дипломатической миссии, жертвами которой стали почти все (за исключением од-

▼ Михаил Глинка

ного) ее сотрудники, включая самого Александра Сергеевича!

Но если говорить об уцелевших стихотворениях или фрагментах... Интересная деталь: ни одного из вышеперечисленных произведений и отрывков датировать не удалось и уже никогда не удастся. «Там, где вьется Алазань» было написано, почти наверняка, в одно из посещений Грибоедовым имения тестя – Цинандали.

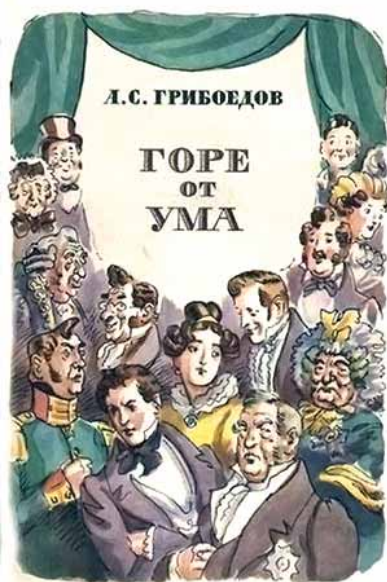
Это первое в русской поэзии стихотворение, описывающее красоты природы Кахетии, было опубликовано Р. Смирновым, оставившим о нем следующую запись: «Вот стихотворение, которое принадлежит не иначе как ко времени знакомства Грибоедова с нашим юго-востоком, оно, очевидно, навеяно его природой и впечатлениями, да и, кроме того, стихотворение «Там, где вьется Алазань» (главная река Кахетии) и весь второй куплет так ясно указывают на местность, на которой, так сказать, выросло, возникло это стихотворение, что сомнения на этот раз не может быть никакого. Стало быть, это стихотворение не старше 1822 г., весной Грибоедов покинул Грузию для Персии...».

С Кахетией связан и фрагмент поэмы «Кальянчи», из чего можно было бы сделать вывод, что именно Кахетия была излюбленным его краем. Можно... Если бы сам Александр Сергеевич не отбросил все сомнения, в одном из писем обещав жене стать «цинандалским отшельником». И опять-таки, судя по осведомленности автора в деталях

грузинского быта, глубине анализа социальной действительности, можно прийти к заключению, что все они написаны незадолго до трагической гибели Грибоедова.

К слову, в своих «Записках» основоположник русской классической музыки Михаил Глинка замечает, что в 1928 году провел почти целый день с Грибоедовым. «Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А.С. Пушкин написал романс «Не пой, волшебница, при мне» (*ты песен Грузии печальной – курсив мой – В.С.*). Чрезвычайно интересная деталь, только вот дело ли Пушкина творить романсы, когда на то есть сам автор дневниковой записи? А еще замечательно, что не один Пушкин, как выясняется, дарил Гоголю сюжеты «Мертвых душ» и «Ревизора», но и сам получил подарок от Грибоедова через Глинку. «Волшебницу» при этом Пушкин нарек «красавицей», ну, значит, так тому и быть.

Возвращаясь к разговору о поэзии Грибоедова, отметим, что главной константой неоконченной поэмы «Кальянчи» является трагедия юного кахетинца. Продолжая и развивая уже высказанную мысль о том, что эти произведения как бы завершают творческий путь Грибоедова, процитируем блестящее рассуждение на эту тему профессора Вано Шадури: «Если в «Путевых записках», стихах и письмах, написанных поэтом при первом знакомстве с Грузией, описано, главным образом, то, что с первого же взгляда бросается в гла-

за человеку, – очаровательная природа, от которой Грибоедов приходит в поэтический восторг, то в «Кальянчи», «Грузинской ночи» и «Радамисте и Зенобии» раскрыты такие противоречия, присущие грузинской действительности, которые могли быть уяснены писателем только при глубоком изучении исторического прошлого и настоящего грузинского народа. Драматург изучает его социальную и политическую жизнь, его нравы, фольклор, литературу, язык... Знакомясь с «грузинскими произведениями» Грибоедова, нельзя не заметить контраста между природой и социальной жизнью Грузии того времени, между восторженным чувством поэта, выраженным

в описании природы, и чувством возмущения и негодования против работорговцев, против социального и политического гнета грузинского народа».

Еще одна неоконченная поэма – «Грузинская ночь» насковозь пропитана поэтикой грузинского народного творчества и зиждется на национальном фундаменте, что явствует из самого названия. Бытует мнение, что Грибоедов успел завершить эту трагедию, но рукопись погибла, и сохранилось лишь несколько черновых набросков. Эта версия, однако, справедливо ставилась под сомнение, поскольку нелепости в развитии сюжета видны невооруженным глазом и заводят в безвыходный тупик. И если в опере Джузеппе Верди «Трубадур», с еще более несуразным либретто, на выручку приходит музыка, то «голый» текст ничто не спасет. Вина Грибоедова в этом конфузе, однако, минимальна – он лишь хотел использовать «канву» одной из народных легенд для поэтического воплощения своих представлений о свободе и достоинстве личности, донести до просвещенной общественности некоторые постулаты своих социально-политических убеждений. Легенда, выбранная Грибоедовым для этой цели, в пересказе О.С. Муравьевой звучит так:

«Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя,

▲ Иллюстрации к «Горю от ума»

няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабом одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели (Али), злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели (Али) вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св.

Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели (Али) несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтоб поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Оба гибнут в отчаянии».

Излишне говорить, что сюжет совершенно вздорный и даже бредовый. Но, видимо, Грибоедов понял

это слишком поздно. Между тем, на этой основе он собирался изложить свою свободолобивую философию и дать правдивое изображение произвола, чинимого князьями над

▲ **Софья Фамусова**

крестьянами. Нет, ни Грибоедов, ни Пушкин не были революционерами, как пытались внушить школьникам и студентам идеологи тоталитарно-социалистической формации и как мы уже об этом говорили выше. Но они были гуманистами и протестовали против насилия над личностью.

Что же касается грузинских мотивов в «Горе от ума» – сама постановка вопроса покажется лишенной всякого смысла. В самом деле, что общего может быть между Москвой и Тифлисом двухсотлетней без малого давности? Разное мировосприятие, разные уמוнастроения... Но не будем спешить. И не будем забывать, что именно в Тифлисе Грибоедов по-настоящему перешел от намерений к делу и написал ни много ни мало два первых акта. Однако прежде нам предстоит завершить разговор о «Грузинской ночи».

«Грибоедов дает в своей трагедии характерную черту верований грузин того времени, – пишет далее Ван Шадури. – Несмотря на то, что в Грузию христианство проникло раньше, чем в Россию, здесь все-таки сильно было «двоеверие», вплоть до XIX века. В разных уголках Грузии одновременно верили и в христианского Бога, и в существование таких злых сил, как чабуки и дэви, эшмаки и кудиани, чинка и каджи, али и т.д.

В частности, об али, которые выводятся в «Грузинской ночи» Грибоедова много рассказывается в грузинском фольклоре и литературе. Али, как очень красивое, мифическое женское существо, изображается в произведении грузинского писателя В. Барнова «Габзарули гули» («Надреснутое сердце»); другой грузинский писатель Н. Ломоури дал одному своему рассказу название «Али»...

Жители разных уголков Грузии по-разному понимали али. Если в Душетском районе, например, али представляли в виде красивых и соблазнительных женщин (вроде русалок), живущих преимущественно в Базалетском озере (см. Ал. Саванели «О грузинской мифологии вообще и об «али» в особенности» («Закавказский вестник». 1854. №43), то в Имеретии и в Кахетии их воображали в виде красивых мстительных «лесных женщин» (см. Дубровин Н. «История войн на Кавказе»//В 8-ми Т./СПб, 1871-1888), а в Хони верили, что али – злые горные духи, проживающие в мрачных теснинах Та-

бакелы. «Прекрасные, полногрудые, с глазами, полными чар и страсти, они кружатся над несчастной горой в диких оргиях веселья. Им подвластно все, и еще женщина не рождала человека, который мог бы устоять против их соблазнов. В венке из огненных волос, в облаках пахучего дыма, голые и соблазнительные, они являются мужчинам, чтобы ловить их в свои сети... Они злы, коварны и никогда не забывают нанесенной им обиды (см. Статью Хаханова «Месхи» («Этнографическое обозрение», 1891, кн. X №3) ср. ее со статьей И. Хонели («Этнограф. обозрение», №2288 со статьями, помещенными в грузинской газете «Иверия», 1886, №227, и др...)).

«Слетайтесь, слетайтесь,/ Отколе в темну ночь исходят привиденья,/ Из снежных гор,/ Из диких нор,/ Из груды тьмы и разрушенья...», – звучит призыв к али в трагедии Грибоедова.

«Грузинская ночь» свидетельствует не только об еще большей радикализации Грибоедова после «Горя от ума», но и об его движении в сторону подлинной народности и шекспировского реализма («истинного романтизма»). Она правильно отражает социальную жизнь, быт и верования грузин того времени. Ведь в грузинской религии, как и в религиях других народов, отражаются земные силы, которые принимают форму сверхъестественных».

Разумеется, Грибоедов не мог воссоздать весь сложнейший религиозный орнамент, тем более что во всей полноте картина была со-

ставлена только в прошлом веке. Но религиозное многообразие и толерантность Грузии не могла остаться для него незамеченной, тем более что она бросалась в глаза на улицах и площадях, в семьях и товариществах. При этом врожденная наблюдательность (как же без нее обойтись блистательному художнику?!) выявила в первую очередь особую роль и предназначение православия в грузинском быте и менталитете.

В так называемом «Музейном автографе» «Горя от ума» сохранился монолог Чацкого, где он описывает сход лавины, который наблюдал Грибоедов в Грузии... В черновике этот сход сравнивается со слухами о сумасшествии Чацкого: «Я был в края,/ Где с гор верхов ком снега ветер скатит,/ Вдруг глыба этот снег, в паденьи все охватит,/ С собой влечет, дробит, стирает камни в прах,/ Гул, рокот, гром, вся в ужасе окрестность./ И что оно в сравненьи с быстрой, / С которой чуть возник, уж приобрел известность/ Московской фабрики слух вредный и пустой...»

Этот отрывок соответствует тем фрагментам путевых заметок Грибоедова, в которых он описывает сход лавин в Дарьяльском ущелье, во время путешествия в Грузию, обвал скал и камнепад. Николай Муравьев вспоминает также, что в 1822 г. Грибоедов, по заданию Алексея Ермолова, описал случившееся в Грузии землетрясение. Приводимый отрывок напоминает и это описание.

В монологе, где Софья рассказывает свой сон, упоминаются сады Ахвердовых, которыми любовался

▲ Степан Бегичев

Грибоедов в Тифлисе: «В саду была; цветы безщетно там пестрели;/ Искала я, мне чудилось траву,/ Какую-то, не вспомню наяву./ В ирисах, в бархатцах, в левкоях и в синели,/ Да где их всех назвать?/ Из сил я выбилась и бросила искать...»

С точки зрения Ирины Багратион-Мухранели, видного деятеля культуры и искусства России, грузинский след в грибоедовском шедевре ясно прослеживается. Не случайно ее новая книга – год выхода 2015 – так и называется: «Грузинский след в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Проблематика, поставленная в названной монографии, настолько глубока и своеобразна, что на этом участке нашего повествования автор не видит иного выхода, кроме как перейти в режим «цитата-комментарий».

Итак, И. Багратион-Мухранели

считает, что «Грузия не только связана биографически (женитьбой на Нине Чавчавадзе) с великим комедиографом, но имеет также и творческие связи с текстом. Грузинский фольклор, а также характер грузинской просодии – подвижное ударение, которое более свободно может меняться в грузинском стихе, оказали влияние на язык «Горя от ума». Автор задается вопросом, знал ли комедиограф грузинский язык и рассматривает взгляды Грибоедова-дипломата по восточному вопросу и практической политике Российской империи».

«Катенин был приверженцем французского, т.н. расиновского понимания природы театрального действия. Позднейшие критики комедии судили о ней с позиций театра шекспировского. Но «Горе от ума» – театр не расиновский и не шекспировский, а особый, грибоедовский», – пишет далее И. Багратион-Мухранели. Мы же заметим попутно, что первые строки этой, «третьей разновидности» театра нового времени были написаны именно в Тифлисе. Следующий, весьма важный тезис:

«Знал ли Грибоедов грузинский язык? Письменных, архивных свидетельств этому нет. Правда, хорошо известно, что автор был полиглотом. В 1820 году он писал: «Познания мои заключаются в знании языков: славянского, русского, французского, английского, немецкого. В бытность мою в Персии я занялся персидским и арабским» (ПСС, Т.III, С.145). В этом перечне не назван греческий (а также латынь, итальянский и ту-

▲ Роман Багратиони

рецкий – В.С.). Тогда как письмо к Катенину от 19 октября 1817 года Грибоедов кончает такими словами: «Прощай, сейчас еду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4 учусь, и уж делаю большие успехи. По мне, он вовсе не труден». (Свердлина С.В. Грибоедов и ссыльные поляки.// Грибоедов А.С. Творчество. Биография. Традиции. С.252).

«Еще в статье о мнимом бунте в Грузии, датированной 1819 годом, есть свидетельство если не о том, что Грибоедов понимал по-грузински, то, по крайней мере, о том, что он интересовался этим языком. Читаем в статье: «На крытых улицах базара про-

мышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок, иные бородатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рамбави (новости)». Разрядка и перевод принадлежат Грибоедову. (ПСС, Т.III, С.27). Характерно, что Грибоедов записывает иноязычное слово явно со слуха: не «амбави» (в именительном падеже, а вопрос «ра амбавиа?» со слиянием двух соседствующих «а», а заодно и с преобразованием этой грузинской фразы в квазирусское существительное во множественном числе. Грибоедов, как никто другой, умел вслушиваться в устную речь – даже на чужеземном базаре».

Этот тезис Ирины Багратион-Мухранели безусловно верен – доказательством послужат, в том числе, очаровательная нюансировка речи фамусовской Москвы. Способности к изучению языков вообще непредставимы вне наличия абсолютного лингвистического слуха. Но для того, чтобы послушать грузинскую речь, у Грибоедова был источник и поближе крытых улиц базара. А именно – тифлисский особняк будущего тестя и Цинандали, имение Александра Чавчавадзе, где грузинский язык звучал повсюду – а в особенности из уст прислуги, не владевшей ни русским, ни французским.

«В Грузии Грибоедов начал работу и над большим историческим полотном – трагедией «Радамист и Зенобия», материалом для которой послужил эпизод из истории Грузии и Армении I в. н.э. До нас дошел

▲ Банковский театр

развернутый план двух актов, написанный не позже июня 1828 г., когда Грибоедов оставил у С. Бегичева черновую тетрадь, содержащую и эти материалы, впервые опубликованные в 1859 г. в «Русском слове» №5.

Идея произведения Грибоедова ясна: успехом может завершиться не антииранический заговор определенного круга лиц, какие бы цели они ни преследовали, а только общенародное движение. Это было решение, основанное на уроках, извлеченных из декабрьского восстания.

К сожалению, все произведения, о которых говорилось выше, остались незавершенными. Ведь

жизнь Грибоедова складывалась так, что он не мог полностью отдаваться своему подлинному призванию. Государственная служба, отнимавшая много времени, бурная общественная деятельность, многочисленные переезды ограничивали возможности писателя в плодотворных занятиях литературой. Многие остались неопубликованными. И кто знает, сколько еще планов, сколько отрывков, а, может быть, и законченных произведений погибли в огне тегеранской трагедии».

«Горе от ума» занимает одно из ведущих мест в репертуаре театров Грузии. Комедия сыграла большую роль в развитии нашей театральной культуры, сценического искусства, общественной жизни. Она часто ставилась у нас как на русском, так и на грузинском языке. В «Актах Кавказской археографической комиссии» и в некоторых других изданиях говорится, что первые постановки «Горя от ума» были осуществлены в Тби-

▼ **Вахтанг Орбелиани**

▲ **Александр Орбелиани**

лиси любительскими силами у Александра Чавчавадзе, в зале армянской духовной семинарии и в доме Петра Багратиони в конце 20-х – начале 30-х годов позапрошлого века. Однако точные сведения дошли до нас лишь о последней постановке. О ней подробно рассказали ее непосредственные участники Д.Е. Зубарев и М.З. Гамазов.

В то время в Грузии театра еще не было. После разорения Тбилиси полчищами Ага-Магомет-хана (1795) театральное дело здесь надолго заглохло. Для постановки «Горя от ума» не было ни соответствующих условий, ни актерских сил. Но зато было много поклонников великого драматурга, желавших посмотреть или показать гениальную комедию на сцене. Постановка была осуществлена грузинскими и

русскими любительскими силами в 1832 году. Спектакль состоялся 21 января в доме Романа Багратиони (брата великого полководца. В роли Чацкого выступил Д.Е. Зубарев который писал в «Тифлиских ведомостях» (1832, №3): «Еще задолго до представления комедии толковали в тифлиских гостиных о невозможности сыграть эту пьесу, о неудобности оной для домашнего спектакля, и многое, и многое выливалось из уст любителей спектаклей, но, несмотря на эти толки, 21 января, в присутствии г. главноуправляющего Грузиею, супруги его и всего тифлиского высшего общества комедия «Горе от ума» была представлена, и исполнение превзошло ожидания зрителей.

Не разбирая в подробности игру каждого лица, я скажу, что вообще

▼ Владимир Соллогуб

пьеса шла как лучше нельзя. Фамусов и Репетилов почти достигли совершенства, прочие лица также все поняли свои роли и исполнили их с успехом. Только один Чацкий не везде выдержал свою роль – в изъяснениях любовных он слишком был холоден. Большая часть ролей была играна закавказскими уроженцами...».

Другой участник и инициатор этого спектакля М.А. Гамазов в своих воспоминаниях, опубликованных в 1875 году, пишет, что вскоре по приезде из Петербурга на службу в Тбилиси (в 1831 году) «столкнулся с знакомым моим... юнкером, князем Романом Александровичем Багратионом. Не долго думая, он ввел меня в дом дяди своего, генерал-лейтенанта, князя Романа Ивановича, брата знаменитого бородинского героя. Дом их всегда был полон, с утра и до позднего вечера. Княгиня была отличная музыкантша, устраивала квартеты, за которыми нередко следовали танцы... Отыскивались и выписывались пьесы, жадно расхватывались и заучивались роли...».

Дом Романа Ивановича Багратиони, где устраивали эти спектакли, помещался на Дворцовой улице (ныне проспект Руставели). Впоследствии на его месте был построен караван-сарай Арцруни, перешедший позже в собственность грузинского дворянства. Тогда же и был устроен там «Банковский театр», а затем – русский драматический театр имени Грибоедова.

В начале 30-х годов XIX в. в Тбилиси над комедией Грибоедова

▲ Труппа тифлиского Казенного театра

оживленно работали не только в салоне Романа Багратиони. Существовал также кружок молодых литераторов (Д.Кипиани, Г.Эристави и др.), которые собирались в доме Александра и Вахтанга Орбелиани, переводили с русского и ставили «прекрасные произведения», в том числе «Горе от ума». К сожалению, до нас не дошли ни переводы, ни точные сведения об этих постановках.

При новом наместнике М.С. Воронцове 20 сентября 1845 года в Тбилиси состоялось открытие первого профессионального (русского) театра. Под театр было приспособ-

лено помещение бывшего манежа военно-инженерного ведомства, а актеры наспех были приглашены из Ставрополя, где работала русско-украинская труппа. Театр содержался за счет казны, руководила им коллегиальная дирекция, одним из членов которой был Александр Чавчавадзе.

Несмотря на слабый состав труппы, спектакли имели успех. Это побудило театр обратиться к директору Императорских театров с просьбой – помочь в подыскании хороших артистов. В результате труппа усилилась приехавшими из Петербурга и

▲ Сцена из спектакля тифлисского Казенного театра

Москвы артистами императорских театров (Иванов, Мухин, Фомин, Авенариус, Бурдин и др.), в подборе которых принимал участие знаменитый М. Щепкин. Режиссером был приглашен молодой актер и режиссер петербургского Александринского театра Александр Яблочкин... В бенефис «даровитой и любимой» артистки Вассы Петровны Маркс было представлено «Горе от ума». Выше мы уже писали, что актеры водевильного характера дарования не справились с новыми драматургическими задачами, и спектакль не удался. Подойдем к этому же эпизоду тбилисской театральной жизни под несколько иным углом зрения.

В рецензии на этот спектакль, помещенной в газете «Кавказ» читаем: «Творение Грибоедова в нашей литературе принадлежит к таким, которые составляют вековое достоинство и умственную пищу народа...

▲ Акакий Церетели

И потому именно представление «Горя от ума»... считается как будто народным праздником, как будто торжественными поминками по любимом и преждевременно погибшем поэте... здесь уважение к его произведению должно быть торжественнее...».

Далее рецензент пишет: «Публи-

ка доказала истинное уважение к сочинению и к памяти Грибоедова и многочисленным сбором, но и равнодушием, и даже знаками неудовольствия, заслуженными труппою, которая исказила заветное произведение...».

Провал спектакля, трудности постановки и отсутствие соответствующих условий и сил заставили дирекцию театра воздержаться от ее возобновления.

Начало пятидесятых годов ознаменовалось в театральной жизни Тбилиси большим событием. К весне 1851 года была закончена постройка Казенного театра на Эриванской площади (ныне – площадь Свободы) по проекту итальянского архитектора Скудиери. Внутри театр был отделан с большим вкусом в мавританском стиле по рисункам известного художника Г.Гагарина. Роспись зала и фойе была исполнена живописцем Трощинским. Плафон украшен ме-

▼ Михаил Воронцов

дальонами с изображениями Эсхила, Шекспира, Мольера, Гольдони, Гете, Грибоедова.

Это был великолепный театр, вмещавший до 800 зрителей и вызывавший всеобщее восхищение.

Режиссера А.Яблочкина к этому времени сменил известный писатель В.А. Соллогуб, который усилил труппу приглашенными из Одессы и Харькова артистами. Была приглашена также итальянская труппа, которая в ноябре 1851 г. дала первое представление итальянской оперы («Лючия»).

Обыкновенно после окончания оперного представления давались грузинские спектакли (для русских спектаклей были отведены особые дни).

Таким образом, в театре работали русская, итальянская и грузинская труппы.

В.А. Соллогуб избегал постановок нелюбимых царскими властями «Горя от ума» и «Ревизора» Н.Гоголя. Поэтому на протяжении шестнадцати лет (1852-1868) творение Грибоедова ставилось на тбилисской сцене лишь единожды.

При наместнике Н. Муравьеве, в 1854 г., в условиях русско-турецкой войны, тбилисский театр был лишен государственной поддержки и прекратил существование. Лишь к концу шестидесятых годов возобновил он свою деятельность. К 1867 году русская труппа в Тбилиси окрепла настолько, что могла поставить «Грозу», «Доходное место» А. Островского, «Горе от ума» и другие пьесы.

▲ **Илья Чавчавадзе**

Вернувшись в Тбилиси, А. Яблочкин выступал в качестве режиссера и артиста. В спектаклях участвовала также его супруга, а позже и дочь – впоследствии народная артистка СССР Александра Яблочкина (сценический образ Софьи, созданный ею, считается классическим, а началась работа над этой ролью именно в Тбилиси, где Александра Александровна служила в русском театре с 1885 г.).

В составе труппы были: семья Маркс, Карпова, Снеткова, Аграмов, Музиль, Соколов, Аркадьев и др. «Горе от ума» труппа поставила в начале 1868 г. Рецензент Н. Орлов отмечал в газете «Кавказ», что «труппа составлена удачно и управляется хорошим режиссером, понимающим сценическое искусство. Более критическим был отзыв видного писателя-шестидесятника

Георгия Церетели в газете «Дрозба» (№1).

В 1874 году тбилисский театр сгорел. За неимением помещения профессиональная театральная труппа покинула Грузию. Оставшаяся в Тбилиси Ольга Станиславовна Маркс, в замужестве Питоева, рассказывала позже литературоведу И. Ениколопову, что ее муж И. Питоев, большой любитель театра, меценат, после пожара в театре «передал свой дом (по Лермонтовской улице) под театральный зал, в котором мы приспособили сцену. В этом театре, вмещавшем 300 человек, мы возобновили «Горе от ума». Чацко-го играл Эристави. Понемногу наш кружок вырос и превратился в Тифлисское артистическое общество, которое не могло удовлетвориться таким малым помещением. Реши-

▼ **Ладо Алекси-Месхишвили**

ли выстроить большое здание. При открытии этого театра (ныне театр имени Руставели) в феврале 1901 г. было поставлено «Горе от ума».

Вообще, с шестидесятих годов комедия Грибоедова прочно вошла в репертуар тбилисских театров. На русской сцене здесь она ставилась почти каждый год. Особенно следует отметить Александра Ивановича Пальма (1822-1885) – талантливого писателя и театрального деятеля. Приехав в Грузию в 1877 г., он выступал в роли антрепренера, режиссера и артиста, создал товарищество, в котором состояли также члены его большой семьи. Деятельность Пальма и его труппы получила высокую оценку тбилисской общественности. «Они относятся к своему делу в высшей степени добросовестно, – писал Акакий Церетели, – все изучают роли, вдумываются в характер ролей и передают их с пониманием...».

Тбилисская публика смотрела «Горе от ума» не только в исполнении местных артистов. Нередко приезжали на гастроли прославленные артисты или целые труппы из России. Особенно большим успехом пользовались гастроли московского Малого театра. Начиная с 1883 г., в Тбилиси часто приезжали артисты этого театра – Федорова, Правдин, Южин-Сумбаташвили, Ленский, Савина, Ермолова-Кречетова, Яблочкина, Остужев, Турчанинова и другие. Они нередко показывали тбилисскому зрителю «Горе от ума» и пьесы других великих драматургов. В первый же свой проезд труппа Ма-

лого театра, по сообщению газеты «Кавказ» (1883, №139) отправилась на Мтацминду, где возложила венок на могилу великого Грибоедова.

Что касается постановок «Горя от ума» на грузинской сцене, в первой половине позапрошлого века давались лишь любительские спектакли. Попытки создания национального грузинского театра увенчались успехом лишь после назначения на Кавказе М. Воронцова. Этому несомненно способствовало открытие в Тбилиси осенью 1845 года профессионального русского театра. Показательно, что инициатором и организатором грузинского профессионального театра оказался известный комедиограф Георгий Эристави – большой поклонник Грибоедова. Совсем в юном возрасте он, как начинающий комедиограф, был представлен Грибоедову и получил благословение великого драматурга.

По дошедшим до нас сведениям, на сцене грузинского профессионального театра комедия А.С. Грибоедова в переводе Г. Цинамдзвришвили была поставлена в 1884 году в Кутаиси, в бенефис известного артиста Котэ Месхи. Спектакль имел огромный успех у зрителя, хотя, как справедливо писала газета «Дрозба» (№117), перевод комедии был неудачен. Через два года «Горе от ума» вновь ставилось в Кутаиси, и опять в бенефис Котэ Месхи, который на этот раз превосходно выступил в роли Чацкого.

В 1879 году, по инициативе великого грузинского писателя и обще-

ственного деятеля Ильи Чавчавадзе, было учреждено Грузинское драматическое общество и организована труппа постоянного грузинского профессионального театра, которая в течение тридцати пяти лет (1879-1914) работала в приспособленном под театр здании бывшего караван-сарая Арцруни на Дворцовой улице (впоследствии переоборудованном в театр, которому уже в 1930-е гг. было присвоено имя А.С. Грибоедова). В этом здании в 1887 г. было вновь представлено «Горе от ума». Газеты «Иверия» (№13) и «Кавказ» (№12) восторженно отзывались об этом спектакле. Чацкого вновь превосходно сыграл К. Месхи. «Сафарова-Абашидзе в роли Лизы и Абашидзе в роли Фамусова вполне художественно воспроизвели изображаемые ими типы. Недурны были Скалозуб (Цагарели) и некоторые исполнители второстепенных ролей. Алексеев-Месхиев в роли Молчалина был неподобен...», – писал «Кавказ».

В феврале того же года постановка была повторена в бенефис талантливого артиста Васо Абашидзе. В роли Чацкого на сей раз выступил прославленный артист Ладо Алексеев-Месхиев (Месхишвили). В Тбилиси на грузинской сцене «Горе от ума» в переводе Г. Цинамдзгвришвили ставилось также в 1890, 1891, 1894, 1895 годах. Постановщики комедии и зрители понимали, что перевод ее неудачный. По сообщению прессы, еще в 1887 г. Васо Абашидзе просил великого грузинского поэта Акакия Церетели пересмотреть

и улучшить перевод Цинамдзгвришвили для очередной постановки, но, видимо, Церетели не мог выполнить эту просьбу.

Лишь в октябре 1900 года «Горе от ума» было поставлено в новом переводе, выполненном поэтессой Гандегили по просьбе Грузинского драматического общества. Тогдашняя пресса резко раскритиковала как режиссера (В.Гуния), так и исполнителей главных ролей. Зато восторженные отзывы были помещены в газетах о постановке «Горя от ума», осуществленной в ноябре 1913 г. в Тбилиси выдающимся деятелем грузинской театральной культуры Ладо Месхишвили. Начиная с 1881 г. «Горе от ума» ставилось в Тбилиси и на армянском языке (в переводе П. Тер-Аствацатуряна).

После установления Советской власти в Грузии «Горе от ума» ставится в театрах республики почти постоянно. В ответ на присвоение Тбилисскому русскому драматическому театру имени Грибоедова коллектив его открыл сезон 1935-1936 гг. Грибоедовской комедией в постановке А. Рубина и превосходном исполнении В. Брагина (Чацкий), И. Осипова (Фамусов), Е. Сатиной (Хлестова) и др. Спектакль имел огромный успех. С таким же успехом шла гениальная комедия в этом театре в постановке А. Такаишвили (сезон 1953-1954 гг.).

«Горе от ума» ставилось и на грузинской сцене – как в Тбилиси, так и в других городах республики, причем, по просьбе Тбилисского драматического театра им. К. Марджанишвили (1945) комедия для постановки

в этом театре была переведена на грузинский язык С. Пашалишвили. Кроме «Горя от ума» тбилисский зритель еще в 1929 году смотрел на сцене и «Грузинскую ночь» в переводе-переделке Шалвы Дадиани.

Наконец, надо отметить, что в театрах Грузии ставились и пьесы о Грибоедове и Нине Чавчавадзе. Так, в 1946 году на сцене Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова успешно шла пьеса Михаила Мрвлишвили «Пламенный мечтатель» в постановке Е. Эбралидзе, на грузинской сцене – трагедия Давида Тактакишвили «Грибоедов», а в Тбилисском государственном театре оперы и балета имени З. Палиашвили – опера Д. Тоградзе «Невеста Севера».

ПАМЯТЬ

В дореволюционной Грузии горячо откликались на все юбилейные даты, связанные с А.С. Грибоедовым. По словам современников, в 1879 году в Тбилиси «с выдающейся торжественностью» было отмечено пятидесятилетие со дня смерти великого драматурга. Вот, что вспоминал писатель, поэт и композитор Петр Опочинин: «Это было первое чествование в Тифлисе русского литературного гения... Можно смело сказать, что ни один русский город не чествовал память великого писателя с такою пышностью, как имен-

но Тифлис, обладатель драгоценной его могилы. Чествование продолжалось в течение трех дней... Состоялся литературный вечер в зале Тифлисского кружка, на котором было прочитано три лекции, посвященные литературной деятельности Грибоедова и его биографии.

На другой день была отслужена на могиле Грибоедова торжественная панихида, причем тропа к церкви св. Давида была вновь разработана и усыпана зеленью, а гробница заново вычищена и приведена в порядок. Вечером в театральном зале кружка питоевской труппой любителей было поставлено «Горе от ума». На третий день был повторен тот же спектакль и, несмотря на громадные цены, зрительные места на оба спектакля были раскуплены нарасхват. По желанию публики спектакль этот был повторен через несколько дней при более доступных ценах, и публика вновь переполнила зрительный зал. Сбор от лекций и спектаклей и от продажи брошюр, посвященных памяти Грибоедова, и фотографии как его, так и его гробницы, достиг до 10 000 рублей, и на этот капитал была учреждена стипендия имени Грибоедова».

Из других источников известно, что при переполненном зале на юбилейном вечере с докладами выступили Д. Эристави, А. Пальм и А. Берже. Первый из них – известный деятель грузинской культуры – прочел доклад о жизни А.С. Грибоедова, о его деятельности в Грузии и о том большом уважении и любви, которые питает грузинский народ к ве-

▲ Памятник А.С. Грибоедову в Тбилиси

ликому русскому писателю. Видный историк-кавказовед А. Берже рассказал о посольстве Хосров-Мирзы в 1829 году, а писатель-петрашевец А. Пальм – о бессмертной комедии и ее критиках...

Особенно деятельное участие в юбилее принимал Д.Г. Эристави. В 1879 г. он издал в Тбилиси «Горе от ума» по рукописи 1831 года, снабдив его предисловием и комментариями: он же был главным организатором вечеров и постановок «Горя от ума» и выступал в роли Чацкого. Будучи редактором газеты «Тифлисский вестник», он весь номер газеты от 30 января 1879 года посвятил Грибоедову. В передовой статье говорилось: «Он связан с нами родственными узами; его прах

слился воедино с нашею кавказскою землею и, справляя поминки, мы вспомним не только одну его литературную славу, но и ту любовь, которая составила всю его деятельность в пользу нашего края».

Газета «Кавказ» в номере от 30 ноября 1879 года посвятила великому драматургу статьи, в тбилисских учебных заведениях были проведены юбилейные вечера и утреники. Грибоедовские дни отмечались не только в Тбилиси, но и в других городах Грузии. Из сообщения газеты «Кавказ» (1879, №31) мы узнаем, например, что в Телави... была открыта подписка на учреждение стипендии имени Грибоедова.

Столетие со дня рождения Грибоедова (1895) было также торжественно отмечено в Грузии. По случаю юбилея «Горе от ума» ставилось как в Казенном театре, так и любителями Тифлисского артистического общества, причем один из последних спектаклей дали специально для учащихся местных учебных заведений. В память А.С. Грибоедова в Тифлисской первой классической гимназии было устроено литературное утро, а в музыкальном кружке – вечер. «Кавказ» и другие газеты опубликовали статьи, в которых говорилось о жизни и творчестве Грибоедова, о его деятельности в Грузии. Как в Тбилиси, так и в других городах в юбилейные дни читались публичные лекции о творце «Горя от ума». Одна из них, лекция М. Сагарадзе, прочитанная в городе Кутаиси 14 апреля 1895 года, в том же году была издана отдельной бро-

шюрой.

На 75-летие со дня смерти драматурга газета «Иверия» откликнулась 30 января 1904 г. передовой статьей, в которой читаем: «Сегодня мы вместе с Россией со скорбью вспоминаем его славное имя... Если Россия гордится своим сыном, поэтом-писателем, мы не менее можем гордиться А.С. Грибоедовым, который, познакомившись с грузинской нацией, сразу же полюбил ее, сблизился и подружился с ней и, наконец, отдал свой прах земле нашей. А.С. Грибоедов, духовно и умственно русский-грузин, является хорошим примером для своих соотечественников, которые действительно хотят единства с грузинской нацией и действительно болеют за нее. Только такие искренние деяте-

▼ Антон Пурцеладзе

▲ Георгий Церетели

ли могут укрепить навеки братскую любовь и взаимоотношения наций, связанных одной судьбой».

«В советской Грузии в 1939 году 110-летие со дня гибели русского гения было отмечено как в Тбилиси, так и в других городах и районах республики, в клубах и театрах, в учебных заведениях, на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. В Тбилиском университете состоялась научная сессия, на которой с докладами о жизни и творчестве А.С. Грибоедова, о его грузинских связях выступили проф. С. Данелия, Г. Левицкий, А. Николадзе, И. Ениколопов и др. В Тбилиском драматическом театре им. А.С. Грибоедова состоялся вечер-концерт. К грибоедовским дням в театре организуется

▲ Надгробный памятник в Пантеоне на Мтацминда

специальная выставка из экспонатов Музея писателей Грузии.

В Грузии... широко и торжественно было отмечено 150-летие со дня рождения А.С. Грибоедова. Подготовка к юбилею началась задолго до знаменательной даты. В газете «Правда» периодически печатались информации ее корреспондента из Грузии о грибоедовских днях в республике.

В Тбилиси, Кутаиси, Батуми, Сухуми и других городах Грузии будут проведены юбилейные вечера. Готовится к изданию однотомник сочинений Грибоедова на грузинском языке. В него войдут новые переводы «Горя от ума», «Грузинской ночи» и других художественных произведений, статей и писем Грибоедова. Издается исследование «Грибое-

▲ Вдова Нина Чавчавадзе

▲ Церковь Святого Давида (Мамадавити). XIX в.

дов и грузинская культура». (газета «Правда, 5 января 1945 г.)

«14 января на могиле Грибоедова состоялся многолюдный митинг, посвященный 150-летию со дня рождения великого русского писателя. Митинг открыл председатель республиканского юбилейного комитета Леонидзе. С речами выступили председатель Союза писателей Грузии Чиковани, академик Ахвледiani, народный артист СССР Васадзе и другие. Они говорили об огромном значении творчества Грибоедова, о его пребывании в Грузии.

После митинга на могилу Грибоедова были возложены венки от Союза писателей Грузии, Тбилисского городского исполкома, Тбилисского театра имени Грибоедова и других

организаций». (газета «Правда», 17 января, 1945 г.)

«Грот, где похоронен А.С. Грибоедов, известен всем, кто побывал в Тбилиси на горе Мтацминда. И вот ныне, в дни, когда отмечается сорокалетие Советской Грузии, грузинский народ воздвиг великому сыну России величественный памятник (автор скульптуры М. Мерабишвили, автор постамента архитектор Г. Мелкадзе). Памятник сооружен на одной из набережных Тбилиси, на площади, окаймленной новыми многоэтажными домами... После митинга молодежь, писатели, представители общественности столицы Советской Грузии украсили памятник любимого писателя живыми цветами». («Литературная газета»,

11 мая 1961 г.)

В марте 1958 года на Декаде грузинского искусства и литературы в Москве Тбилисский театр оперы и балета имени З. Палиашвили показал оперу композитора Давида Торадзе «Невеста Севера», имевшую большой успех. Автор оперы сообщил: «Давно зародилась у меня мысль создать лирическую оперу, посвященную любви и дружбе гениального русского писателя Грибоедова и замечательной грузинской женщины Нино Чавчавадзе, братскому содружеству двух наших народов. В эту оперу я постарался вложить всю свою глубокую любовь и симпатию к благородному русскому патриоту и славной моей соотече-

ственнице».

А в 1965 году по заказу Центрального телевидения вышел короткометражный художественный фильм режиссера Тбилисского телевидения Михаила Гижимкрели «Музей Грибоедова» («История, рассказанная чернильницей»), в которой роль Грибоедова сыграл известный грузинский поэт Михаил Квливидзе.

Сценарий был написан после того, как в Литературном музее Грузии внимание Гижимкрели привлекла чернильница, на которой выгравировано: «Пиши чаще, мой ангел Нина». Когда этот подарок Грибоедова доставили его жене, поэта уже не было в живых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Грибоедова ценили не только его современники – грузинские романтики, но и «тергдалеулни» (испившие воды Терека). Так называли представителей передовой грузинской общественности 1860-х гг., начавших бескомпромиссную борьбу с имперскими силами за восстановление грузинской государственности, за социальную и национальную свободу Грузии. Об их отношении Грибоедову убедительно свидетельствуют проникнутые любовью и уважением высказывания Акакия Церетели, Георгия Церетели, Антона Пурцеладзе и других. Грузинские писатели не раз подчеркивали, что Грибоедов относится к числу тех великих художников слова, освоение творческого опыта которых имеет огромное значение. Об этом говорилось и в книгах Д. Эристави «А.С. Грибоедов» (Тифлис, 1879), М. Сагарадзе «Значение Грибоедова в умственном развитии русского общества» (Кутаиси, 1895), Берберяна «А.С. Грибоедов» (Тифлис, 1895). Отношение передовой грузинской общественности к Грибоедову ярко проявилось и в дни юбилейных дат великого русского писателя, которые торжественно отмечались в 1879, 1895, 1899, 1904, 1914, 1939, 1945, 1954, 1959 годах.

Многое в столице Грузии напоминает об авторе «Горя от ума». Это и улица, носящая имя Грибоедова, (бывшая Комендантская, переименована в январе 1879 г. в связи с 50-летием со дня гибели драматурга), это и Тбилисский русский драматический театр имени А.С. Грибоедова (удостоен имени писателя в 1934 г., это и монументальный памятник Грибоедову, торжественно открытый в мае 1961 г.

По словам В. Григорьева, одного из современников Грибоедова, «Грузия была настоящим поприщем его деятельности, здесь он провел лучшее время своей жизни в трудах литературных и по службе. Он любил Грузию так пламенно и чисто, как редко кто даже любит родину свою».

Расставаясь с читателем, отметим, что материалов на тему «Грибоедов в Грузии» может набраться на толстый том – монографию, а то и двухтомник. Архивы, библиотеки хранят немало интересных материалов, да и неисследованных предостаточно. Библиографию легко можно нарастить до трехзначных цифр. Возможно, в будущем мы и возьмемся за подобный подвижнический труд, но на данном этапе мы преследовали более скромную цель: выпустить в свет не капитальный научный труд, а эссе-исследование, рассчитанное скорее на любознательного друга-собеседника, чем на строгого знатока из профессиональных литературоведческих кругов.

С надеждой на то, что время Вами потрачено не напрасно,

с наилучшими пожеланиями,

Автор

БИБЛИОГРАФИЯ

Кн. Д.Г. Эривтов//Тифлис//типография С. Меликова, Гановск, ул. №18//1879

Продается в пользу стипендии Грибоедова (читано в «Тифлисском кружке» 28 января 1879 г.)
 Что это был за «Тифлисский кружок», и в особенности что за стипендия (возможно, приуроченная к 50-летию гибели «зятя Грузии»?) – могло бы стать предметом отдельного исследования – авт.

Талиашвили Г. Русско-грузинские литературные взаимоотношения
 //Тбилиси//Ганатлеба, 1967, с. 80

Кавказский сборник//Тифлис, 1902//Т. XXIII, с. 51

«Сын Отечества»//1830, №1, с. 12

«Там, где вьется Алазань»//180 лет со дня рождения А.С. Грибоедова//Сост. В. Шадური//Тбилиси//Мерани, 1977

Там же, с. 94

Там же, с. 118-127

Там же, с. 128-131

Пиксанов Н. Творческая история «Горя от ума»//Москва – Ленинград, 1928, с. 78 и 94

Полевой К. «Горе от ума»//1839, изд. II, с. 4

Кюхельбекер В. Дневники//Ленинград//издательство «Прибой», 1929, с. 90-91

Газета «Кавказ», №82

Орлов Вл. Грибоедов//Москва, 1954, с. 82-90

Русское слово//1859, №5, с. 76

Ершова Н. Две мадонны//<http://www.proza.ru/2014/07/04/895>

Ениколопов И. Грибоедов в Грузии//Тбилиси//Издательство «Заря Востока», 1954, с. 2-3

Шостакович С. Дипломатическая деятельность

Грибоедова//Москва//Издательство социально-экономической литературы, 1960, с. 30-32

Бурже А. Кавказская старина//Пятигорск, СНЕГ, 2011, с. 251

Русская старина//Ежемесячное историческое издание//1870, с. 352 Грибоедов (1795-1829)//биографический очерк//

Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность//Тбилиси, 1958

<http://www.newsru.com/russia/10feb2006/gribok.html>

Шадури В. Грибоедов и грузинская культура//Тбилиси//Издательство «Заря Востока», 1946, с. 41

там же, с. 25, 26, 28, 30, 31, 52, 53

Саванели Ал. «О грузинской мифологии вообще и об «али» в особенности»//«Закавказский вестник». 1854. №43

Дубровин Н. «История войн на Кавказе»//В 8-ми Т.//СПб, 1871-1888

Муравьева О.

http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/fom89/str_271.htm

http://feb-web.ru/feb/griboed/texts/piks2/pi2_muz.htm

ТЕКСТЪ МУЗЕЙНАГО АВТОГРАФА „ГОРЯ ОТ УМА“.

Каландадзе А. Русские классики и грузинская культура//Тбилиси, 1961, с. 21

Свердлина С. Грибоедов и ссыльные поляки//Грибоедов А.С. Творчество. Биография. Традиции. С.252

Багратион-Мухранили И. Грузинский след в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»//М., 2015, с. 2

Там же, с. 45-48

Там же, с. 16-17; с.23, 24

Богомолов И. «Он Грузию любил»//Тбилиси, «Мерани», 1995, с. 34, 36, 37

Там же, с. 56

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. И. Ениколопов «Грибоедов в Грузии» (Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1954):

«Несмотря на свое счастье, свадебные хлопоты, Грибоедов не переставал, однако, работать над запиской об учреждении Российской закавказской компании. За короткий срок своего пребывания в Тбилиси, он, совместно с П. Д. Завилейским, закончил ее составление и 7 сентября передал ее на заключение Паскевичу. 9 сентября Грибоедов с женой и всем штатом русской миссии выехал из Тбилиси в Иран...

ПРОЕКТ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

Из всех проектов Грибоедова, посвященных преобразованию края, особенно интересен своей обширной программой его план учреждения Российской закавказской компании. Но прежде чем рассмотреть его, необходимо, хотя бы кратко, вспомнить предыдущую деятельность Грибоедова в области развития торговли и промышленности.

Являясь сторонником транзитной торговли и внедрения ее на Кавказе, Грибоедов немало сделал для превращения Тбилиси в центр торговли между Европой и Азией. Это встретило, однако, уже вскоре большое противодействие со стороны Англии, всячески препятствовавшей проникновению Франции и Германии в Иран, а также со стороны русских фабрикантов, главным образом текстильной и сахарной промышленности, жаловавшихся на застой в торговле.

Эти жалобы были поддержаны в 1823 году министром финансов Канкриным, убежденным протекционистом.

Между Канкриным и Ермоловым возникла длительная переписка. В отношении (от 10 мая 1824 г.) министр писал Ермолову: «...Относительно транзита нахожу я, что предмет сей требует величайшей осторожности, ибо фабриканты наши уже жалуются на подрыв со стороны ввозимых французских товаров...»

Далее министр предлагал учредить в Редут-Кале таможню и «ввозимые туда иностранные товары подвергать также общему европейскому тарифу, не лишая, впрочем, иностранца Гамбу и тех, кои уже учредили там торговые заведения, предоставленных им на основании указа 1821 г. октября 8, преимуществ». Возражения Ермолова сводились к тому, что «принадлежащие нам области лишатся всех выгод, доставляемых транзитным торгов», что «было бы противно точному смыслу Гюлистанского трактата и высочайшего указа в 8-й день октября 1821 года последовавшего, и не принесло бы никакой пользы...»

В дальнейших письмах Канкрин еще настойчивее проводит свой взгляд: «Торг через Редут-Кале, - писал он, - служит, и впоследствии еще больше должен служить к подрыву нашей торговли и особенно фабрик, потому что иностранцы, а особливо французы... частью уже открыли путь для доставления своих товаров в Персию, кои начали вытеснять там наши изделия из оборота».

Однако Ермолов указывал, что торговля французов сделалась «вовсе ничтожной», запрещение же «обратилось собственно в пользу англичан, которые не участвуют доселе в означенном торге»...

Несмотря на попытки Канкрин претить транзитную торговлю, последняя продолжалась, правда, не в столь широких размерах, как прежде, и прекратилась

лась лишь по истечении обусловленных договором десяти лет.

Грибоедов, пробывший в Москве и Петербурге «по дипломатическим делам» около двух лет (с 1823 по 1825 гг.), был, конечно, в курсе всей переписки между Канкриным и Ермоловым.

Грибоедов вынужден был считаться с правительственной политикой, к тому же он, как никто, видел все выявившиеся недостатки транзитной торговли: «Но на благосостояние помещиков и земледельцев, более всех обремененных казенными повинностями, сие нисколько не подействовало, нисколько не придало поощрения внутренней промышленности; не возникло ни одной фабрики, не процвело ни земледелие, ни садоводство. Бродящие татары, скитаясь по тучным пастбищам, как и прежде, не знали другого употребления из прекрасной шерсти овец своих, кроме обмена на самонужнейшие предметы в полудикой кочевой их жизни. В течение нескольких лет более двух, трех иностранных кораблей не приставало к берегам Мингрелии, и то для опыта нового сбыта товаров своих, не требуя для нагрузки произведенных туземных, по маловажности и несовершенству их не пригодных к европейскому употреблению. И между тем как базар Тифлисский пестреет привозными товарами, взор наблюдателя напрасно будет искать домашних изделий или продуктов, на которые их можно было бы обменивать». (Проект об учреждении Российской закавказской компании).

Грибоедов мог убедиться, что за все время действия транзита не было основано ни одной крупной конторы для оптовой торговли ни в Редут-Кале, ни в Тбилиси; транзит не способствовал также развитию или усовершенствованию промышленности в крае. Русские товары (текстиль, сахар, бумажные изделия) встречали большую конкуренцию, а требуемый в большом количестве на вну-

треннем рынке шелк вывозился из Ирана за границу, через Грузию. К тому же дороговизна транспорта, потребность в специальных помещениях для складывания товаров — все это ставило русских промышленников в невыгодное положение. Один же завод товаров в Закавказье их не прельщал.

У Грибоедова, как явствует из его письма к Всеволожскому, связанному с ним общими деловыми планами, в это время рождаются новые «коммерческие замыслы», которые, однако, «рушились за безденежьем всей компании».

Обнаруженный Н. Кальма архив Т. Этье, связанного с французским консулом в Тбилиси, позволяет судить об этих «коммерческих замыслах» Грибоедова.

Н. Кальма считает, что Грибоедов был вынужден обратиться к услугам Т. Этье, знакомого с экономическими возможностями Ирана, ибо ему, как дипломатическому представителю, заниматься торговлей было невозможно.

Заручившись рекомендательным письмом, Этье едет в Иран.

Распродав там свой товар и собрав нужные сведения об условиях местной торговли, Этье возвращается в Москву. Надо полагать, что поездка Этье в Иран носила лишь разведывательный характер, так как вскоре Всеволожский просит Этье «приехать в Петербург, где мы сможем окончательно оформить наше предприятие».

В Петербург Этье привез свой «План торгового предприятия между Россией и Персией», в котором указано, какие товары следует в Иране покупать, на какие товары существует там спрос и, главное, в каких пунктах следует организовать отделения русского торгового дома. Этье считал, что для начала необходимо везти в Иран товаров на 150-200 тысяч рублей.

Однако арест Грибоедова в конце января 1826 года, в связи с восстанием

декабристов, и начавшаяся вскоре война с Ираном надолго откладывают осуществление этого предприятия.

* * *

В марте 1828 года, приехав в Петербург для представления Туркманчайского мирного договора Николаю I, Грибоедов получил возможность широко ознакомить своих единомышленников с планом создания Российской закавказской компании.

К планам создания компании сочувственно относился министр финансов Канкрин, который фактически осуществлял назначения чиновников на Кавказ. Так, на место начальника Тифлисской казенной экспедиции тогда же был назначен Канкриним его чиновник для особых поручений П.Д. Завилейский, о котором он писал Паскевичу: «Я за долг почел обратиться к вашему сиятельству с покорнейшею моею просьбою удостоить сего чиновника вашего внимания; он известен в Министерстве финансов по отличной своей деятельности и усердию и пользам казны, и по уважению сих качеств назначен в настоящую должность».

П. Завилейский в дальнейшем участвовал совместно с Грибоедовым в разработке проекта Российской закавказской компании.

«Когда Грибоедов ездил в Петербург, — писал Н. Муравьев в своих «Записках», — увлеченный воображением и замыслами своими, он сделал проект о преобразовании всей Грузии, коей правление и все отрасли промышленности должны были принадлежать компании на подобие Восточной Индии». Как представлял себе Муравьев, «Сам главнокомандующий и войска должны были быть подчинены велениям комитета от сей компании, в коем Грибоедов сам себя назначил директором, а главнокомандующего членом; вместе с сим предоставил он

себе право объявлять соседним народам войну, строить крепости, двигать войска и все дипломатические сношения с соседними державами. Все сие было изложено красноречивым и пламенным пером и, как говорят, писцом под диктовку Грибоедова был З[авилейский]»; ...Грибоедов «говорят, настаивал, чтобы приступлено было к завоеванию турецкой крепости Батума, что на Черном море, как пункта, необходимо нужного для склада в предполагаемом распространении торговой компании...» «Не могу утвердительно сказать, но, кажется, что даже были тогда сделаны некоторые приготовления к сей экспедиции... Проект сей, уничтожающий почти совершенно власть Паскевича, не мог ему нравиться, и он в последствии времени не был взят во внимание никем. Когда же Грибоедов, женившись, уехал в Персию, то З[авилейский], полагая себя как бы поверенным Грибоедова, сильно вступался за оный и уверял даже, что он находится на рассмотрении у министра финансов в Петербурге. Таким образом он мне однажды прочитал довольно длинное вступление к сему проекту. Оно было начертано Грибоедовым и было чрезвычайно занимательно как по слогу, так и по многообразию новых мыслей, в оном изложенных; но по внимательном рассмотрении вся несообразность огромного предположения сего становилась ясною, и никто не остановился бы на сем любопытном, но неудобосостоятельном предположении, от коего З[авилейский] приходил в восторг».

Муравьев не был, конечно, заинтересован в расцвете края. Отсюда его враждебное отношение к Проекту. Муравьев искажает факты, когда говорит, что «Грибоедов, получив назначение министра в Персии, значительные выгоды и почести, сделался равнодушнее к своему проекту и обратясь к новому предмету, стал бы о прошедшем говорить с улыбкой, как о

величественном сне, им виденном»...

Известно, что основную часть работы по составлению Записки Грибоедов проделал в Тбилиси, в 1828 году, перед отъездом в Иран, уже будучи полномочным министром.

По сообщению Е. Вейденбаума, «Июля 17, Грибоедов и коллежский советник Завилейский подписали в Тифлисе «Вступление и объяснительную записку к проекту Устава Российской Закавказской компании». Некоторое время спустя была закончена вся работа и по составлению проекта.

«Завтрашний день, – писал Грибоедов Паскевичу, – пойдет от меня и Завилейского к в[ашему] с[иятельству] План компании и Записка на благосклонное ваше рассмотрение. Во время болезни я имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы обмыслить этот предмет со всех сторон. Прошу вас почтить труд наш и полезное предприятие прозорливым и снисходительным вниманием... 6 сентября 1828 г., Тифлис».

Уже на следующий день Проект был направлен Паскевичу. При составлении Проекта Грибоедов и Завилейский могли использовать данные, собранные существовавшим в ту пору в Тбилиси «Комитетом о сельском в Грузии хозяйстве».

В состав его входили Н. Палавандов (Палавандишвили), подполковник И. Андроников (Андроникашвили), Ш. Туманов (Туманишвили), старший член конторы колонистов Мензенкамф и адъютант Сипягина – поручик С. Чилаев (Чиладзе).

Комитет этот был создан с целью «содействовать к распространению и улучшению хозяйственных заведений, от чего непосредственно зависит благосостояние жителей Грузии». Для этого из каждого уезда и дистанции «вызывались по одному помещику, которые бы более прочих были опыты в сельском хозяйстве и могли по общему совету исчислить

средства, необходимые для усовершенствования хлебопашества и приведения в надлежащее устройство хозяйственных занятий жителей».

В обязанность его входило также «по внимательном соображении препровожденных мнений, составить Проект для улучшения земледелия, садоводства и других хозяйственных заведений, применяя к почве земли и по образу европейского хозяйства». Комитет также должен был обсудить вопрос «о пользе заведения в Грузии образцовых ферм сельского хозяйства и виноделия», которые бы могли служить убедительным примером для помещиков.

Для этого были затребованы от всех окружных начальников и приставов сведения «о настоящем положении хлебопашества, садоводства и пр.».

Первые же заседания комитета выяснили точку зрения помещиков, которые принимали с благодарностью «попечение начальства», но считали возможным это осуществить лишь после того, как «само начальство сделает испытание и покажет им пример, коему могли бы они после подражать».

Тогда же выяснилось, что «комитет, равно как и они, не имея ни суммы, ни чиновников, ни мастеровых лишен всех способов к учинению испытания и к показанию примера, ...почему и полагает представить просьбу дворянства на утверждение, с присовокуплением, что без того дальнейшее существование комитета сего останется бесполезным».

В сентябре 1828 года комитет прекратил свое существование. Собранный им фактический материал о сельском хозяйстве Грузии представлял большую ценность: он давал представление о развитии сельского хозяйства по каждому уезду.

Немаловажное значение имеет решение вопроса о том, какова степень участия Грибоедова и Завилейского в со-

ставлении Проекта.

Н. Муравьев, подробно рассказывающий в своих «Воспоминаниях» о Проекте, считает, что он целиком составлен Грибоедовым. Завилейский, по его мнению, был лишь «писцом под диктовку».

Иного взгляда придерживался Мальшинский, впервые опубликовавший «Докладную записку», принадлежащую перу Грибоедова и Завилейского. «Ему (Завилейскому – *И.Е.*), по всей вероятности, более, чем Грибоедову, принадлежит почин», – писал он.

Оба эти мнения, на наш взгляд, одно-сторонни. «Почин» составления Проекта принадлежит всецело одному Грибоедову: в основу Проекта положены принципы, которые он проводил во время своей предыдущей деятельности в Грузии и, особенно, во время заключения Туркманчайского договора. Завилейским, скорее всего, составлено большинство параграфов Устава к Проекту, а также общая часть Вступления.

Затронутые в Проекте вопросы «о начертании законов, согласных с местными обычаями» (вопрос, на котором Грибоедов не раз останавливался в своих высказываниях – *И.Е.*), составления «Кадастра», свидетельствующие о блестящем знании истории страны и ее нынешних потребностей, указывают на большую роль Грибоедова в совместной работе с Завилейским.

Можно с уверенностью сказать, что слова из Вступления к Проекту: «для исследования, собрания и проверки... и притом для приноровления к ним кодекса, нужны разбор внимательный, досуг и спокойствие» – принадлежат Грибоедову, который в своих высказываниях не раз указывал на необходимость обращаться к «местным обычаям».

Автор этой части Проекта, несомненно, был хорошо знаком с результатами работы «Особой Комиссии по переводу

Уложения царя Вахтанга», созданной в 1822 году. Именно Грибоедов, как указывалось выше, был тесно связан со многими членами комиссии (ген. Ховеном, Е. Чиладзе и др.).

Проект, представленный Паскевичу на одобрение, состоял из Вступления и Докладной записки с приложением к нему Устава.

Газета «Тифлиссские ведомости», назвавшая Проект «исполинским предприятием», справедливо замечает, что «все предположения по сему предмету основаны на самых ясных доводах, почерпнутых из фактов глубокого исследования края»... И действительно, такие важные для того времени вопросы, как переселенческий, судоходства по Куре, устройства в Батуми порта, эксплуатации казенных земель Закавказья, а также развития местной промышленности и торговли – нашли место в грибоедовском Проекте. Только человек, всесторонне и глубоко изучивший экономику и нужды Кавказа, мог взяться за составление такой грандиозной программы.

Следует напомнить, что к тому времени уже существовала Российско-Американская компания на Аляске, с уставом которой, несомненно, был знаком Грибоедов. Автор книги о Паскевиче – Щербатов, например, говоря о Проекте Грибоедова и Завилейского, находит, что «они пришли к мысли учредить эту компанию подражая Северо-Американской компании»... К тому же известно, что деятельными участниками этой компании были старые знакомые Грибоедова: Д. И. Завалишин, Н. С. Мордвинов и др., которые могли, конечно, познакомить Грибоедова с уставом Северо-Американской компании.

По мысли Грибоедова, к участию в намечавшемся «предприятии» необходимо было привлечь и Иран. Во Вступлении говорилось: «Может быть, Персия,

между всеми азиатскими народами, способнейшая к подражанию и принятию новых впечатлений, позаимствуется от нового образования и просвещения сего края. Нам кажется решенным вопрос о преимуществе находиться в соседстве с государством благоустроенным».

Некоторые исследователи жизни и творчества Грибоедова высказывают мнение, что, «уехав в Персию полномочным министром он, конечно, не имел времени да и не мог по своему положению» заниматься Проектом.

Между тем, письма секретаря Грибоедова – Аделунга свидетельствуют о том, что Грибоедов продолжает и в Иране интересоваться делами компании. Аделунг говорит, например, о плане Грибоедова завязать торговые сношения компании с Индией (закупка шерсти в Кашмире была обещана Аделунгу).

Территориально разместившись в Закавказье, имея центром г. Тбилиси, компания, по мнению Грибоедова, наладила бы торговые связи с Ираном, куда направлялась бы продукция русских фабрик, а также местные товары.

Начинается Проект с описания положения края, причем составители его, как бы вскользь, высказывают уверенность, что «конечно, образ управления, до сих пор вынужденный обстоятельствами, коль скоро оные прекратятся, уступит место другому, более усовершенствованному и согласному с местными надобностями».

В намерение авторов Проекта входило открыть в Грузии фабрики, школы для обучения различным ремеслам, пригласить из России и из-за границы мастеров по выделке стекла, пряжи, шерсти, приготовлению вин, разматыванию шелка и т. д.

В Проекте уделено большое внимание развитию экономических ресурсов края (шелководство в районе Шемахи, виноделие в Грузии, хлопководство, ба-

кинская нефть).

Очень показательны те части Проекта, где говорится об участии в компании лиц местного происхождения, ибо, как указывают авторы Проекта, «ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод». Участие «здешних жителей по делам Компании, ознакомит их с характером русских и знакомство сие, конечно, даст им выгодное понятие о сих последних». Это «сольет их в один состав плотный и неразрывный».

Несомненный интерес представляют в Проекте разделы «О переселенцах» и «Касательно свободного мореплавания».

В первом говорится об армянах, «вновь перешедших в Российские пределы из-за Аракса». Переселение их, на основании статьи XV Туркманчайского договора, оказалось неподготовленным и сразу же приняло уродливые формы. Армяне-переселенцы попали в очень тяжелое положение.

Грибоедов брался разместить их на землях компании, а после утверждения устава выдать им «достаточную сумму взаимообразно за счет Компании для обеспечения существования означенных армян». Не дожидаясь утверждения устава компании, Грибоедов, как известно, принял необходимые меры для предоставления переселенцам свободных земельных участков, на которых они могли бы обосноваться; он помог им также сохранить имущество, оставшееся в Иране. Об этом Грибоедов сообщал в письме к своему другу В. С. Миклашевич: «К нам перешло до 8.000 армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя, сохраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову».

В главе «Касательно свободного мореплавания» подробно говорится о Батуми, находившемся тогда под властью Турции.

Главные порты на Кавказском побережье Черного моря – Редут-Кале (Кулеви), через который шла основная перевозка военных грузов, и порт-крепость Потти не могли обеспечить все предполагаемые перевозки компании.

Строго говоря, Редут-Кале не представлял собой порта; корабли останавливались в открытом море, в двух километрах от города, и товары должны были перегружаться на мелкие суда. Неудобная якорная стоянка затрудняла такую перегрузку, а при сильных штормах опасность угрожала и самим кораблям; все это значительно увеличивало расходы по перевозке.

Понятен поэтому интерес, проявляемый Грибоедовым к Батуми. «Порт Батумский, – говорилось в Проекте, – если войдет в новую черту наших границ, представляет в сем случае для компании, местным своим положением, наибольшее удобство».

Мысль Грибоедова о включении Батуми «в черту наших границ» после войны с Турцией, видно, была принята Паскевичем к сведению. Завязав через кн. Бебутова сношения с аджарским пашою Ахметом, Паскевич ставил ему условием «завладеть Батумом и покорить все ближайшие горные округа».

Пожелание Грибоедова видеть Батуми «в черте наших границ... с дарованием прав порто-франко», как известно, осуществилось только 50 лет спустя (в результате русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.).

Батуми тогда не был присоединен к России, причем современник Грибоедова Л. Исарлов приводит следующую интересную подробность: «В мирном трактате, заключенном фельдмаршалом

Дибичем в 1829 г. в Андрианополе [река] Чорохи превратилась в Чолоки. Была ли это ошибка или было сделано с целью – неизвестно, так как по-турецки Чолок и Чорох пишутся почти одинаковыми изображениями букв».

Затрагиваемые в Проекте вопросы развития производительных сил края, его «процветания», привлечения «в общий состав массы оборотных капиталов», создания в Грузии своих «мануфактурных заведений», «выписание машин» для прядения «хлопчатой бумаги, находящейся в Армянской области в огромном количестве», усовершенствование техники в обрабатывающей промышленности – все это носило прогрессивный характер, вело к ускорению развития производительных сил края. На это указывает и М.В. Нечкина в своей книге «Грибоедов и декабристы».

Уверенность учредителей в успехе начатого дела была столь велика, что они приступили даже к выполнению намеченной программы. Было получено, в частности, разрешение на установление пароходного движения между Одессой и Кулеви, Астраханью и Баку. Ал. Чавчавадзе начал заниматься в Армении мареноводством, новой для Кавказа отраслью сельского хозяйства. Из Франции был выписан известный винодел Лену, из России приехали бочары и т. д. Все готовилось для широкой деятельности компании, в которой российские купцы были бы «русскими вкладчиками закавказской компании»; а «большая часть акционеров» должна была «состоять из помещиков и купцов закавказских». (И.Ениколопов «Грибоедов в Грузии», Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1954).

2. Несколько комментариев к этому масштабному стратегическому замыслу. В упомянутом труде «Грибоедов и грузинская культура Вану Шадури пишет:

«В 1928 году Грибоедов составляет грандиозный проект хозяйственно-культурного преобразования Закавказья («Российская закавказская компания»). «Проект свидетельствует не только о глубоких и многосторонних познаниях Грибоедова, но и об его большой прогрессивности. В «Проекте» дана критика феодально-хищнической политики царизма в Закавказье, описано бесправие и угнетение местного населения. «Проект» требует учета особенностей местных условий, ликвидации правового неравенства между «господствующими» и «подчиненными» народами, он признает необходимость и общепользительность экономического, политического и культурного преобразования Закавказья путем развития промышленности, сельского хозяйства и торговли, путем поднятия технико-культурного уровня местного населения и т.д.

Грибоедов проектировал передачу Закавказья почти в автономное управление Компании (древнейшая Колхидская цивилизация – под началом политико-экономической структуры, по сути, конторы?! Не об этом ли спорили зять Грибоедов и тесть Чавчавадзе, несомненно, воспринявший подобный «ход» как оскорбление национального достоинства... – В.С.).

Правительственным кругам не могло понравиться такое решение, царским властям не хотелось выпускать из рук бразды правления и передавать их неизвестным чиновникам из существующей только на бумаге коммерческой структуры. «Проект» был отвергнут...

Но в нем был все же зафиксирован и донесен до высших властей империи тезис о необходимости социально-культурного преобразования Закавказья.

«Грибоедову же принадлежит, вероятно, и инициатива основания газеты «Тифлисские ведомости»... Выступая против хищнической политики царизма,

связываясь с передовыми людьми своего времени, Грибоедов ведет большую работу по поднятию культурного уровня грузинского народа. Именно ко времени возглавления писателем крупных начинаний в Грузии относится открытие многих уездных училищ... основание института восточных языков. Грибоедову принадлежит попытка организации публичной библиотеки в Тбилиси (она не увенчалась успехом ввиду отказа правительства в субсидии)...

Даже вопросы благоустройства города Тбилиси волновали великого драматурга. Тогда на Тбилиси еще лежали следы Ага-Магомед-ханского чудовищного нашествия. Город нуждался в основном «ремонте», и Грибоедов составляет «Записку о лучших способах вновь построить город Тифлис» (1827). «Записка» свидетельствует о многосторонних познаниях автора и его исключительной заботливости о Грузии.

Грибоедов был поистине универсальным человеком. Он, помимо всего прочего, принял активное участие в учреждении «Коммерческого банка», поощрял ряд торговых, промышленных, хозяйственных мероприятий (виноградарство, шелководство и др.).

«Проект «Российской закавказской компании» называли «освещенным светильником пользы общественной». «При внимательном рассмотрении Закавказского края каждый удостоверится, что там природа все приготовила для человека, но люди доселе не пользовались природою...(?)». (Грузия всегда была аграрной страной, плоды земли, в особенности культ лозы, фруктов, злаков – это ее «визитная карточка». Возможно, авторы проекта пишут о неиспользованных народом природных возможностях «для пушей убедительности», чтобы дать ход своему проекту? – В.С.).

«При таких обстоятельствах статский советник Грибоедов и коллежский

советник Завилейский... спрашивают: «Природные средства края могут ли поставить его на почетную степень образованности и благосостояния и через сие самое принести пользу всему государству?.. На сие можно отвечать утвердительно. Естественные произведения Закавказского края столь разнообразны и столь богаты, что остается только выбирать те, обрабатывание которых будет полезнее...».

Далее авторы проекта пишут, что «при таком богатстве природных ресурсов Закавказья его население находится в бедственном и несправном положении». «Причины ясные, — приходят к выводу Грибоедов с Завилейским. — Русские власти в Закавказье, занятые войной, не заботились о «блага народа», они требовали от него лишь «скорого исполнения, послушания»...

Авторы «Проекта» сетуют, что имущество, собственность закавказского жителя тратятся на содержание пограничных караулов, на городские расходы, на содержание войск, и нельзя будет не соболезновать о бедственном его состоянии. Они отмечают, что «до сих пор русский заезжий чиновник мечтал только о повышении чина и не заботился о том,

что было прежде его, что будет после в том краю».

Нарисовав весьма неприглядную картину «нынешнего хода дел за Кавказом», авторы проекта «нисколько не теряют надежды на будущие лучшие времена». Для этого они предлагают «учредить компанию земледельческую, мануфактурную и торговую, которая могла бы заняться добыванием всех... богатств природы». Программа преобразования Закавказья, являясь по своему характеру антифеодальным документом, была направлена на подрыв крепостного уклада жизни, на развитие производительных сил страны, торговли и культуры. При всем том характерно, что сразу же по появлению на грузинской земле, Грибоедов приобрел здесь множество друзей, число которых с течением времени только увеличивалось. Как писал в своем донесении императору М. Фон-Фок, «Грибоедов имеет особенный дар привлекать к себе людей своим умом, открытым, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил, и Грибоедовым связаны многие люди между собою».

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრენსიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მადლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgirvski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
**Департамента внешнеэкономических
и международных связей города Москвы**

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

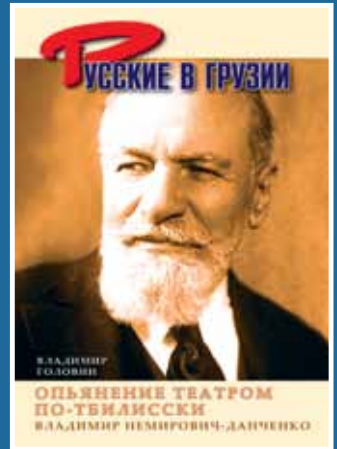
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
НА МТАЦМИНДА
ОБРЕТШИЙ
БЕССМЕРТИЕ
АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ

Редакторы
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
ЛЕЛА ОЧИАУРИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работала
АЛЕНА ДЕНЯГА

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Владимир Саришвили - поэт, переводчик, литературовед, журналист. Член Союза писателей Грузии, руководитель отдела по международным связям. Кандидат филологических наук (доктор филологии). Заслуженный журналист Грузии.

Лауреат международных и национальных литературных конкурсов; участник более 20 международных конференций по проблемам литературоведения; опубликовал около 30 научных трудов.

Автор монографии «Проблемы художественного перевода» и 5 книг поэзии и драматургии.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

(МКПС) - грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза - Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира - как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни - литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых - ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

